

ЖИЛБЛАЗЪ

ДЕ

САНТИЛЛАНА.

Сочиненіе Лесажа.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1820 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чѣобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, февраля 28 дня 1820 года.

*Цензоръ, Стат. Совѣт. и Кавалеръ
Иванъ Тилковской.*

ЖИЛБЛАЗЪ ДЕ САНТИЛЛАНА.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Исторія Дона Рафаеля.

Я сынъ одной Мадридской актрисы, которая прекрасно играла любовницъ, какъ на театрѣ, такъ и дома. Ее звали Люциндою. Чтожь касается до отца моего—не смѣю сказать утвердительно, кто онъ? Конечно я могъ бы узнать, кто былъ любовникомъ моей ма-

Часть IV.

тери въ то время, какъ я родился; но будетъ ли это достаточнымъ доказательствомъ, что я точно ему обязанъ жизнью. Такимъ женщинамъ, какова была моя мать, трудно вѣрить: показывая самую страстную любовь къ какому нибудь знашному господину, онъ всегда почти на его же деньги доставляющъ ему помощника.

Самое умное дѣло презирашь злословіе! Люцинда, вмѣсто того, чѣмъ воспитывать меня въ неизвѣстности, брала меня безъ всякаго стыда съ собою въ театръ, ни мало не заботясь о томъ, что говорили на ея

счетомъ насмѣшники. Я былъ
 ея утѣхою, и всѣ мужчины,
 посѣщавшіе домъ нашъ, ока-
 зывали мнѣ самыя нѣжныя
 ласки. Казалось, что кров-
 ное родство говорило имъ
 въ мою пользу.

Первыя двѣнадцать лѣтъ
 моей жизни провелъ я въ
 рѣзвостяхъ и забавахъ; едва
 научили меня читать и пи-
 сать, а о законѣ моего ис-
 повѣданія и не думали; за-
 то я умѣлъ порядочно тан-
 цовать, пѣть и бренчать на
 гитарѣ. Въ этомъ состояли
 всѣ мои познанія, когда
 Маркизь Леганецъ захотѣлъ
 взять меня къ себѣ въ домъ,
 чтобы я учился вмѣстѣ съ

его сыномъ , который былъ однихъ лѣтъ со мною. Люцинда охотно согласилась на такое предложеніе, и отдала меня Маркизу. Маленькой Леганецъ разумѣлъ не болѣе моего , и повидимому не имѣлъ способности къ наукамъ. Онъ не зашвердилъ почти ни одной буквы изъ азбуки , хотя учился уже около года. Правду сказать, съ нимъ не вѣрно было поступать строго ; Маркизь хотѣлъ , чтобы его учили безъ всякаго принужденія ; а такой способъ, при лѣнкости ребенка, дѣлалъ всѣ наставленія безполезными.

Однакожь учитель выдумалъ прекрасное средство спращать молодаго дворянчика, не преспупая повелѣній отца его: онъ рѣшился сѣчь меня, когда мой товарищъ заслужитъ наказаніе; и скоро исполнилъ это на самомъ дѣлѣ. Его выдумка мнѣ очень не понравилась; я убѣждалъ къ матери, и жаловался ей на такую несправедливость. Однакожь, мать моя, при всей своей ко мнѣ горячности, не посмощрѣла на мои слезы, и починая за честь имѣть сына своего въ домѣ Маркиза Леганеца, тотчасъ велѣла отвести меня назадъ. И такъ попался я

снова въ руки къ учишелю ,
 кошорый , примѣтивъ , что
 изобрѣшенный имъ способъ
 произвелъ хорошее дѣйствіе,
 продолжалъ сѣчь меня вмѣ-
 сто маленькаго Леганеца , и
 сѣчь немилосердо—вѣрояшно
 для того, чтобъ сдѣлать боль-
 шее впечатлѣніе на моего
 товарища. Каждая буква ,
 кошорую эшопъ лѣнивонецъ за-
 шверживалъ, стоила мнѣ о-
 коло сотни добрыхъ ударовъ;
 судите, во что обошлась мнѣ
 вся азбука!

Не однѣ розги мнѣ досаж-
 дали: всѣ въ домѣ, отъ ма-
 ла до велика, упрекали ме-
 ня моимъ рожденіемъ. Эшо
 показалось мнѣ такъ обидно,

что я убѣждалъ, нашедши на-
 передъ случай захватить всѣ
 наличныя деньги моего учи-
 теля, которыхъ было до по-
 лупорасѣ червонныхъ. Вотъ
 чѣмъ я опомсшилъ ему за
 несправедливыя побои, и, на-
 добно сказать, что это мще-
 ніе было для него самое ужа-
 сное: потому, что онъ былъ
 очень скупъ. Я оказалъ боль-
 шое проворство при этомъ
 первомъ опытѣ моего иску-
 сства, и успѣлъ скрыться
 отъ всѣхъ поисковъ, копо-
 рые дѣлали цѣлые два дни.
 Потомъ оставилъ Мадридъ,
 и безъ всякихъ хлопотъ до-
 брался до Толедо.

Тогда мнѣ было пятнадцатъ лѣтъ. Какое удовольствіе быть на свободѣ въ такіе годы, и зависѣть только отъ самаго себя. Скоро познакомился я съ молодыми людьми, которые многому меня научили, и помогли мнѣ промощать червонцы. Потомъ вступилъ я въ общество мошенниковъ, которые такъ хорошо образовали счастливыя мои дарованія, что въ короткое время сдѣлался я Президентомъ ихъ общества. Лѣтъ черезъ пять захотѣлось мнѣ постраниговать; я оставилъ моихъ товарищей, и, желая начать путешествіе съ Эсбрамадуры,

отправился въ Алкантару. Дорогою же нашель я случай употребить въ пользу мои дарованія. Однажды расположившись отдохнуть, увидѣлъ я вблизи двухъ мальчиковъ, которые, лежа на травѣ, весело разговаривали другъ съ другомъ. Подхожу къ нимъ, кланяюсь очень учтиво и вмѣшиваюсь въ ихъ разговоръ. Сшаршему было не болѣе пятнадцати лѣтъ; оба они казались очень простодушными.—„Государь мой —сказалъ младшій изъ нихъ— мы дѣти двухъ богатыхъ мѣщанъ въ Плаценціи; намъ чрезвычайно хочется видѣть Португаллію. Мы взяли у

нашихъ опцевъ по спу пис-
 полей, и, кажется, можемъ
 далеко пройши съ этими
 деньгами: какъ вы думаете?
 — О! еслибъ у меня было
 столько денегъ—отвѣчалъ
 я—я бы зашелъ, Богъ знаетъ,
 куда! Побывалъ бы во всѣхъ
 чешырехъ странахъ свѣта!...
 Двѣсти писпелей! это не
 бездѣлица: имъ и конца не
 будетъ!... Если вы, господа,
 позволите—прибавилъ я—то
 мнѣ будетъ очень пріятно
 сопутствовать вамъ до Алме-
 рина: я иду туда получить
 наслѣдство послѣ дяди, ко-
 торый лѣтъ за двадцать
 тамъ поселился.—

Они съ удовольствіемъ на то согласились, и мы, немного отдохнувъ, пошли въ широе въ Алканшару, куда прибыли еще до вечера. Пришедши въ хорошій пракширь, расположились всѣ въ одной комнатѣ. Заказали ужинъ, и между тѣмъ, какъ его приготавливали, пошли, въ слѣдствіе моего предложенія, прогуляться по городу. Уходя мы заперли наши кофомки въ шкафъ, и одинъ изъ моихъ товарищей взялъ ключъ съ собою. Прежде всего вздумалось намъ осмотрѣть церкви; но въ самое то время, какъ вошли мы въ главный соборъ, я вдругъ пришворилъ

ся, что забылъ объ одномъ
очень важномъ дѣлѣ. „Ахъ,
Боже мой!—вскричалъ я: те-
перь только пришло въ го-
лову, что мнѣ нужно, по
препорученію изъ Толедо, по-
говорить съ однимъ купцомъ,
который живетъ подлѣ этой
церкви. Сдѣлайте одолженіе,
подождите меня здѣсь: я
тотчасъ ворочусь.“—Сказав-
ши это, я оставляю ихъ,
бѣгу въ пракширъ; вхожу
въ комнату, ломаю замокъ,
и, перешаривъ кошельки мо-
ихъ спутниковъ, нахожу ихъ
пистолы. Бѣдняжки! я не
оставилъ имъ и на плащежъ
за ночлегъ: все забралъ съ
собою! Потомъ, не теряя ни

минуты, я вышелъ изъ города, и пустился по Меридской дорогѣ, смѣясь легко-вѣрію бѣдныхъ моихъ товарищей.

Этотъ случай привелъ меня въ состояніе путешествовать довольно пріятно. Въ первой деревнѣ купилъ я себѣ мула, и промѣнявъ котомку на чемоданъ, принялъ роль особы немаловажной. На третій день, встрѣшил-ся мнѣ человекъ, лѣтъ двадцати пяти, который во весь голосъ распѣвалъ вечер-нія молитвы. Догадавшись, что онъ пѣвчій, я закричалъ ему: „Браво, господинъ Баккалавръ! славно поете! вид-

но, что вы большой охотникъ!“—Да, Милостивый Государь; я пѣвчій, и къ вашимъ услугамъ....

Такимъ образомъ вступили мы въ разговоръ. Я увидѣлъ въ немъ человека неглупаго и очень забавнаго; а какъ онъ шелъ пѣшкомъ, то я, желая съ нимъ побесѣдовать, поѣхалъ шагомъ. Между прочимъ зашла у насъ рѣчь о Толедо. „Мнѣ этотъ городъ очень знакомъ, сказалъ онъ; я жилъ въ немъ довольно долго, и имѣю много хорошихъ пріятелей.“—А въ какомъ мѣстѣ вы жили?—спросилъ я.—„Въ *Новой улицѣ*, отвѣчалъ онъ. Я жилъ тамъ съ До-

номъ Винценціомъ де Буэна
 Гарра, съ Дономъ Мапіа-
 сомъ де Кордело, и еще съ
 двумя или тремя другими че-
 стными кавалерами. Мы на-
 нимали одну квартиру, вмѣ-
 стѣ держали столъ, и прово-
 дили время очень пріятно. —
 Эти слова меня удивили.
 Надобно замѣтить, что гос-
 пода, которыхъ онъ называлъ
 по именамъ, были тѣ самые
 плушны, съ которыми и я
 мошенничалъ въ Толедо. —
 „Господинъ пѣвчій — сказалъ я
 ему — господа, которыхъ вы
 называете, и мнѣ очень ко-
 ротко знакомы: я самъ жилъ
 съ ними въ *Новой улицѣ*.“ —
 Понимаю, ошевчалъ онъ

улыбаясь; видно, что вы познакомились съ ними въ послѣдніе три года, какъ я уже отспшалъ отъ нихъ. — „И я ихъ оставилъ, потому что мнѣ захопѣлось посмошрѣть Испанію: это будетъ для меня очень полезно.“ — Безъ сомнѣнія: путешествовіе много образуетъ разумъ. Меня самого та же причина принудила оставить Толедо, гдѣ впрочемъ я жилъ довольно пріятно. Слава Богу — продолжалъ онъ — что я встрѣтился съ кавалеромъ моего ордена! Соединимъ наши силы и искусство, станемъ емѣспѣ путешествовать, нападемъ на кошелекъ ближняго и

употребимъ въ пользу всѣ случаи, которые могутъ усовершенствовать наши дарованія. —

Онъ сдѣлалъ мнѣ это предложеніе съ такою искренностію и ласкою, что я въ ту же минуту оное принялъ. Видя въ немъ совершенную ко мнѣ довѣренность, я отплащилъ ему своею, и мы открыли другъ другу всѣ наши тайны. Я разсказалъ ему свою исторію, а онъ не скрылъ отъ меня ни одной своей проказы. Онъ объявилъ, что идешь изъ Порталегро, откуда одно неудачное плутовство принудило его бѣжашъ, нарядившись въ плашье

пѣвчаго. Наконецъ , сдѣлавъ другъ другу подробное описаніе своихъ обстоятельствъ, рѣшились мы идти въ Мериду, и попытавшись тамъ на какое нибудь доброе дѣло, пробираться далѣе. Съ этой минуты имѣніе наше сдѣлалось между нами общимъ. Правда, чпо Моралесь — такъ звали моего товарища — имѣлъ при себѣ немного. Все его богатство состояло въ пяти или шести червонцахъ и въ узлѣ съ плащомъ, который былъ у него за плечами ; но я , имѣя болѣе наличныхъ денегъ, долженъ былъ отдать справедливость его опытности

въ искусствѣ обманывать лю-
дей — а это стоить налич-
ныхъ денегъ.

Мы садились на мула по
очереди; прѣхали такимъ
образомъ въ Мериду, и оста-
новились въ пракширѣ. Мо-
ралесъ вынулъ изъ своей ко-
шомки другое плащье, одѣл-
ся, и пошелъ вмѣстѣ со
мною осматрѣть городъ, а
между тѣмъ провѣдашь, не
найдемъ ли случая чѣмъ ни-
будь позаняться. Съ величай-
шимъ вниманіемъ осматри-
вали мы всѣ предметы, и
походили, говоря языкомъ
Гомера, на двухъ яспребовъ,
которые жадными глазами
ищущъ себѣ пища на добы-

чу. Вдругъ услышали мы большой шумъ, и увидѣли старика съ обнаженною шпагою, который оборонялся отъ трехъ человекъ, сильно на него нападавшихъ. Такое неравное сраженіе показалось мнѣ несправедливымъ, и я, будучи отъ природы большой забіяка, бросился на помощь старику. Моралесь послѣдовалъ моему примѣру, и трое разбойниковъ принуждены были въ ту же минуту бѣжать.

Старикъ не находилъ словъ для изъясненія своей благодарности. — „Мы очень рады, сказалъ я ему, что намъ удалось поспѣшь къ вамъ на

помощь; но, позвольте узнать, кому имѣли мы счастье оказать услугу, и за что эпи люди на васъ напали?“ — Я называюсь Іеронимъ Моедасъ, и живу, чѣмъ Богъ послалъ, здѣсь въ городѣ. Одинъ изъ эпихъ убійцъ влюбленъ въ мою дочь. Онъ сватался къ ней, но, получивши отъ меня отказъ, вздумалъ за то отомстить мнѣ. — „А почему, смѣю спросить, вы не хотите выдать дочь за эшаго человека?“ — Причина та, что она уже обѣщана другому. У меня былъ братъ, по имени Августинъ, торговавшій здѣсь въ городѣ; мѣсяца съ два назадъ по-

вѣхалъ онъ за однимъ дѣломъ
 въ Каламправу, и остано-
 вился въ домъ своего корреспон-
 дента, Жуана Велеца де
 Мембриллы. Они были спа-
 ринные друзья, и братъ мой,
 желая еще болѣе укрѣпить
 взаимную дружбу, помолвилъ
 Флореншину, дочь мою, за его
 сына, въ надеждѣ, что я изъ
 братской любви не откажусь
 исполнить даннаго имъ слова.
 Возвращаясь въ Мериду, онъ
 сказалъ мнѣ о помолвкѣ; я пош-
 часъ согласился. Тутъ пос-
 лалъ онъ къ жениху портретъ
 моей Флореншины; но, къ не-
 счастію, не имѣлъ удоволь-
 ствія кончить начатаго
 имъ дѣла: назадъ тому не-

дѣли при онъ умеръ; послѣд-
 ния просьба его была, не вы-
 давать дочери моей за дру-
 гаго: я далъ ему обѣщаніе.
 Вотъ, почему отказалъ я
 этому господину. Хотя онъ
 человекъ достапочной, и
 могъ бы быть выгоднымъ
 женихомъ для моей дочери,
 однакожь я долженъ сдер-
 жать данное слово, и съ ча-
 су на часъ ожидаю сына
 Жуана Велеца де Мембрил-
 лы, котораго впрочемъ ни-
 когда не видывалъ, такъ
 какъ и отца его. . . Извини-
 те, что я такъ подробно
 вамъ рассказываю: вы сами
 того требовали. . .

Я слушалъ его съ боль-

шимъ вниманіемъ, и вдругъ пришла мнѣ въ голову самая счастливая мысль. „Ахъ, господинъ Мойдасъ—сказалъ я самымъ прогашельнымъ голосомъ, поднявъ глаза къ небу—думалъ ли я, что пріѣхавши въ Мериду, буду шакъ счастливъ, что спасу жизнь моему тещю!“ Эти слова чрезвычайно изумили старика и не менѣе озадачили Моралеса: взгляды послѣдняго показывали мнѣ, что онъ считаетъ меня самымъ тонкимъ плутомъ. „Какъ! вскричалъ старикъ: вы сынъ господина Мембриллы?“— Да, господинъ Мойдасъ—отвѣчалъ я смѣло, и бросился къ нему на шею—

я шопъ счастливой смерт-
 ной, которому назначена пре-
 красная Флорентина. Но при
 всей радости моей, что при-
 нимаете меня въ свое семей-
 ство, не могу безъ слезъ
 вспомнить о вашемъ братѣ
 Августинѣ. Я былъ бы самой
 неблагодарной человѣкъ, ес-
 либъ меня не трогала смерть
 того, кому обязанъ я всемъ
 моимъ благополучіемъ. — Ска-
 завши это, я снова обнялъ
 простяка Мойдаса, и попомъ
 приложилъ руку къ глазамъ,
 какъ будто упирая слезы.
 Моралесь, который въ мину-
 ту расчелъ всѣ выгоды отъ
 такого обмана, принялся по-
 могать мнѣ; онъ сдѣлался

вдругъ моимъ слугой, и началъ говоришь панегирикъ покойному Августину.—, Вы много потеряли лишась вашего брата, господинъ Мойдасъ! То-то былъ испинно доброй человекъ! Сущій фениксъ между купцами! Какъ честенъ, какъ безкорыстенъ!... О! такихъ людей мало на свѣтѣ!“

Мы имѣли дѣло съ человекомъ самымъ простымъ и легковѣрнымъ; нимало не подозревая нашего плутовства, онъ даже помогалъ намъ себя обманывать.—, Зачѣмъ же вы не пріѣхали прямо ко мнѣ? —спросилъ онъ. Неужель вы хошите со мною це-

ремонитъся? — Ваша правда, сударь, отвѣчалъ за меня Моралесъ; господинъ мой любить церемонитъся! Однакожь, въ этомъ случаѣ его можно извинить: насъ обокрали въ дорогѣ. — Признаюсь — прибавилъ я — этотъ случай не позволилъ мнѣ явиться къ вамъ, господинъ Мойдасъ: можно ли было первый разъ показаться невѣстѣ въ такомъ видѣ? Я дожидался слуги, котораго послалъ въ Калашправу. — „И! полно! — подхватилъ сшарикъ: теперь же пойдемъ ко мнѣ; что за церемоніи!“

Тутъ пощащилъ онъ насъ съ собою. Дорогою, я опять

завелъ разговоръ о мнимой пропажѣ, и сказалъ, что болѣе всего жалѣю о портретѣ его дочери, который также украденъ вмѣстѣ съ платьемъ.—,, О! что касается до эшаго — сказалъ Моедасъ — не безпокойтесь: оригиналъ стоишь копіи!“ Старикъ говорилъ правду. Пришедши домой, позвалъ онъ дочь свою, которая была лѣтъ шестнадцати, и могла почесться совершенною красавицею. ,, Вотъ ваша невѣста!“ — сказалъ онъ.— Ахъ, Государь мой, нужно ли сказывать, что это прекрасная Флорентина? — вскричалъ я самымъ спраспнымъ голосомъ: прелестное лице ея

всегда въ моей памяти, а
 еще болѣе въ моемъ сердцѣ.
 Если портретъ, который
 былъ только слабымъ изо-
 браженіемъ ея красоты, могъ
 возбудить во мнѣ самую пла-
 менную любовь, судите, что
 долженъ я чувствовалъ въ
 эту минуту. — „Вы слишкомъ
 учтивы, отвѣчала Флорен-
 тина: но я не такъ тщес-
 лавна, чтобъ могла повѣ-
 рить вашимъ словамъ.“ —
 Славно, славно, дѣти мои! про-
 должайте строить компли-
 менты! — подхватилъ отецъ,
 и оставя меня одного съ
 моею невѣстою, отвелъ Мо-
 ралеса въ сторону. „Другъ
 мой, сказалъ онъ: воры от-

няли у васъ всѣ вещи, слѣд-
ственно и деньги: они всег-
да начинаютъ съ нихъ.“—
Да, сударь, отвѣчалъ мой
товарищъ: у самаго Каспиль-
Блазо напала на насъ спраш-
ная шайка разбойниковъ. Они
оставили насъ, въ чемъ ви-
дите: но баринъ послалъ уже
въ Каламправу за векселями.—
„Однакожь, пока онъ еще не
получилъ ихъ—сказалъ спа-
рикъ вынимая изъ кармана
кошелекъ — вотъ вамъ спо-
исполей.“— И! сударь, вы
не знаете барина; онъ въ
такихъ случаяхъ очень раз-
борчивъ, и совсемъ не похо-
дитъ на другихъ молодыхъ
людей, которые рады задол-

жашъ по уши: скорѣе согласи-
 сись идши по міру, чѣмъ
 заняшь хотя одинъ мараве-
 дисъ.—,Тѣмъ лучше; я самъ
 не люблю долговъ: брагъ въ
 долгъ извинительно только
 знашнымъ, у которыхъ это
 ужъ заведено. Я не хочу при-
 нуждать своего господина,
 ежели ему это непріятно.“
 Тупъ хотѣлъ было онъ по-
 ложить кошелекъ въ карманъ;
 но Моралесъ удержавъ его за
 руку, сказалъ: „позвольте,
 сударь, хотя баринъ не лю-
 бишь занимать, однакожь, я
 думаю, теперь вамъ не оп-
 кажешъ: ему деньги нужны.
 Къ помужь, онъ не любитъ
 брагъ въ долгъ у людей по-

стороннихъ, а съ родными
обходится безъ всякихъ чи-
новъ. Вы теперь ему чело-
вѣкъ свой, и онъ вѣрно опъ
васъ взявъ согласится.“

Такимъ образомъ Моралесъ
завладѣлъ кошелькомъ спа-
рика, который, возвращаясь къ
намъ, нашелъ меня и Флорен-
тину въ самыхъ учтивыхъ
разговорахъ. Онъ рассказалъ
ей, какъ много мнѣ обязанъ, и
всячески старался изъяснить
свою благодарность. Я вос-
пользовался этимъ случаемъ,
и началъ увѣрять, что онъ
окажетъ мнѣ самый чувстви-
тельный знакъ признатель-
ности, ежели поспѣшитъ
свадьбою. Нетерпѣливостъ

моя была ему очень пріятна: онъ сказалъ, что черезъ три дни непременно буду его звать, и получу вмѣстѣ съ рукою Флореншины четыре тысячи червонныхъ, сверхъ шести тысячъ, слѣдующихъ по договору.

И такъ остались мы съ Моралесомъ у легковѣрнаго старика, въ пріятномъ ожиданіи десяти тысячъ червонныхъ, съ которыми намѣрены были тотчасъ выѣхать изъ Мерида. Однакожь, какое - то предчувствіе мѣшало намъ совершенно предаваться радости; мы боялись, чтобъ прежде трехъ дней не явился настоящій

сынъ Жуана де Мембриллы, и не разрушилъ нашего счастія. Увы! эшотъ страхъ былъ очень основашеленъ. На другой день, въ то время, какъ я ушелъ со двора, а оставался дома одинъ мой товарищъ, приходитъ человекъ съ чемоданомъ. „Я слуга господина Педро де Мембриллы—говоритъ онъ: мы пріѣхали изъ Калапправы; баринъ послалъ меня впередъ, уведомить о своемъ пріѣздѣ. Онъ самъ будетъ сію минуту.“ — Едва успѣлъ онъ сказать эшо, какъ является и господинъ: эшо весьма удивило старика, и нѣсколько встревожило Моралеса.

Педро подходитъ къ отцу
 Флореншины и начинаетъ
 говоришь; но товарищъ мой,
 который никому на свѣтѣ
 не уступалъ въ наглости,
 шепчетъ спарику на ухо:
 „Вообрази же, сударь, какая
 дерзость! Эти два человека
 принадлежатъ къ шайкѣ во-
 ровъ, которые насъ ограби-
 ли; я ихъ очень хорошо за-
 мѣшилъ, а особливо того,
 который называетъ себя
 сыномъ господина Мембрил-
 лы.“ Мойдасъ въ ту же
 минуту повѣрилъ, и думая,
 что пріѣзжіе точно мошен-
 ники, говоришь имъ: „Нѣтъ,
 господа, вы изволили опоз-
 дать. Педро де Мембрилла

пріѣхалъ ко мнѣ еще вчера.“—
 Помилуйте!—отвѣчаешъ мо-
 лодой человѣкъ: васъ обманы-
 вають. У Жуана Велеца де
 Мембриллы нѣтъ другаго сы-
 на, кромѣ меня.— „Хоро-
 шо, братъ, хорошо! но ме-
 ня не скоро проведешь!...
 Ты думаешь, я не знаю, кто
 ты? Видно забылъ ты эта-
 го молодца и его господина,
 которыхъ ограбили вы на
 Каламправской дорогѣ?“— О-
 грабили? Ахъ, онъ бездѣль-
 никъ!— закричалъ Педро: ес-
 либъ я не былъ шеперь въ
 вашемъ домѣ, то обрѣзалъ
 бы уши мошеннику, кото-
 рый смѣетъ называть меня
 воромъ! Счастливъ онъ, что

я уважаю ваше присутствіе!... Милоспивый Государь — прибавилъ онъ — повторяю вамъ: васъ обманываютъ! Я пошъ самый молодой человекъ, за котораго брашець вашъ Августинъ помолвилъ Флореншину. Угодно ли, чпобъ я показалъ всѣ письма, которыя писалъ онъ къ моему опцу по этому случаю? Повѣрите ли вы хоть портрету Флореншины?

„Ты врешь, прервалъ Мойдасъ. И письма, и портретъ увѣряютъ меня, что ты плутъ. Я знаю, какимъ образомъ все это попало къ тебѣ въ руки, и, по христіанской любви, совѣшую

убратъся скорѣе изъ города, если не хочешь болшати ногами подъ висѣлицею!“—Нѣтъ силъ терпѣть болѣе, сказалъ молодой человѣкъ; я не допущу, чтобы какой нибудь мошенникъ назывался моимъ именемъ, и не позволю почитать себя разбойникомъ. У меня много здѣсь знакомыхъ; я найду ихъ, и докажу, что вы обмануты.—Тутъ онъ вышелъ вмѣстѣ со своимъ слугою, а Моралесъ осмался побѣдителемъ. Это происшествіе было причиною, что Мойдасъ рѣшился сыграть свадьбу въ тотъ же день, и пошелъ приказать, чтобъ все было гошовой вечеру.

Хотя товарищъ мой ра-
довался, что отецъ Флорен-
тины такъ хорошо къ намъ
расположенъ, однакожь былъ
не совсемъ спокоенъ. Пола-
гая, что Педро не захочетъ
оставить эшаго дѣла безъ
изслѣдованія, Моралесъ ожи-
далъ меня съ нешерпѣніемъ.
Я засталъ его въ глубокой
задумчивости. „Что съ то-
бою сдѣлалось?—спросилъ я—
ты сидишь повѣся носъ.“—
Но неволь повѣсишь носъ,
отвѣчалъ онъ, и рассказалъ
все, что случилось. Теперь
видишь—прибавилъ онъ—есть
о чемъ подумать: все это
по твоей милости!... При-
знаюсь, предпріятіе было са-

мое блестящее, и ты могъ бы прославиться, еслибъ успѣлъ въ немъ; но, по всѣмъ признакамъ, оно кончится худо; мой совѣтъ, бѣжашъ: возьми одно средство избавишься отъ бѣды!—

„И! господинъ Моралесъ, какъ вы скоро приходите въ уныніе! Право, вы не дѣлаете чести Дону Матиасу де Кордело и прочимъ кавалерамъ, съ которыми жили въ Толедо. Кто учился у такихъ славныхъ учителей,тому робѣть стыдно. Что касается до меня, я пойду по слѣдамъ этихъ героев, и докажу, что я достойный ихъ воспитанникъ. Я прези-

раю всѣ опасности, копорыя спращаютъ вашу милость, и твердо надѣюсь преодолѣть ихъ. — Ну, отвѣчалъ онъ, ежели кончишь это удачно, то поставлю тебя выше всѣхъ великихъ мужей, описанныхъ Плутархомъ.

Тутъ пришелъ Иеронимъ Моедасъ. „Я велѣлъ все приготовить къ свадьбѣ, сказалъ онъ: сего же вечера вы будете моимъ зятемъ. Вы вѣрно ужь слышали отъ слуги своего, что безъ васъ случилось. Какъ вамъ кажется дерзость эшаго бездѣльника? Ему вздумалось увѣрять меня, что онъ Педро де Мем-

брилла, сынъ корреспондента моего брата.“—Государь мой —опвѣчалъ я печально и притворясь, сколько могъ, чистосердечнымъ—опъ меня зависишь воспользоваться вашимъ заблужденіемъ; но я чувствую, что не рожденъ поступать безсовѣстно. Я не сынъ Жуана Велеца де Мембриллы... —,, Какъ!—вскричалъ удивленный старикъ: вы не шопъ, за котораго братъ мой...“— Прошу выслушать меня, Государь мой —прервалъ я. Съ недѣлю, какъ я люблю дочь вашу, и любовь удерживаетъ меня въ Меридѣ. Вчера, освободивши васъ отъ непріятелей, го-

шовился я просить у васъ
 руки ея, но вы не дали мнѣ
 сказать ни слова, объявивъ,
 что она уже сговорена. Вы
 открыли мнѣ, что братъ
 вашъ, умирая, просилъ васъ
 выдать ее за Педро де Мем-
 бриллу, и что вы хотише
 непременно сдержать обеща-
 ніе. Ваши слова, признаюсь,
 меня опечалили; но любовь
 научила меня употребить
 хитрость. Впрочемъ, я ни-
 когда не рѣшился бы такъ
 поступить, еслибъ не былъ
 увѣренъ, что вы меня про-
 щите, узнавъ истинное мое
 состояніе. Я Итальянской
 Принцъ, и путешествую ин-
 когнито; отецъ мой имѣетъ

владѣнія между Швейцаріею,
 Миланомъ и Савойею. Я во-
 ображалъ даже напередъ прі-
 ятное удивленіе ваше, когда
 открою вамъ о своемъ родѣ,
 и уже восхищался тою ми-
 нутою, въ которую объявлю
 это прекрасной Флорентинѣ,
 сдѣлавшись счастливымъ ея
 супругомъ. Но Небо (продол-
 жалъ я перемѣнивъ голосъ)
 разрушило мое счастье. Пед-
 ро де Мембрилла явился, и
 я долженъ—какъ мнѣ ни тя-
 гостно—возвратить ему его
 имя. Ваше обѣщаніе принуж-
 даетъ васъ называть его сво-
 имъ зятемъ. Я могу сожа-
 лѣть объ этомъ, но жало-
 ваться на васъ не смѣю: вы

должны предпочесть его, не смотря на мою знатность, на мою любовь къ прекрасной вашей дочери. Я не стану представлять вамъ, что братъ вашъ не имѣлъ никакого права располагать ею; что одни только вы, какъ отецъ, могли назначить ей супруга; и что гораздо справедливѣе было бы съ вашей стороны наградить меня за оказанную вамъ услугу, чѣмъ исполнить обѣщаніе, данное вами покойному вашему брату.—

„Такъ! безъ сомнѣнія, это гораздо справедливѣе—вскричалъ Моедасъ—и я не колеблюсь въ выборѣ. Еслибъ

мой брашъ Августинъ былъ живъ, то и онъ похвалилъ бы меня за то, что предпочитаю человека, избавившаго меня отъ смерти, и—что всего важнѣе — предпочитаю Принца, который не гнушается вступить въ родство со мною. Я былъ бы врагъ собственнаго счастья, или, лучше сказать, сумасшедшій, еслибъ отказался выдать за васъ Флореншину, еслибъ даже не поспѣшилъ такимъ выгоднымъ бракомъ.“—

Однакожь, Государь мой, не торопитесь! Поступите въ этомъ случаѣ такъ, чтобы послѣ не раскаяваться, и не смотря на мою знашность...

„Помилуйте! вы изволише шутить! — прервалъ онъ — могу ли я раскаяваться? . . . Я прошу только Вашу Свѣтлость, осчастливить дочь мою, какъ можно скорѣе.“ — Хорошо, отвѣчалъ я, потрепавъ его по плечу, хорошо, любезный Моедасъ: я на все согласенъ; поди же теперь къ ней сами, и объяви ей о ея жребіи —

Между тѣмъ, какъ доброй старикъ вышелъ, чтобъ рассказать дочери своей, что она плѣнила Принца, Моралесъ, который слышалъ весь нашъ разговоръ, спалъ передо мною на колѣни, и сказалъ: „Господинъ Итальян-

ской Принцъ, котораго родителемъ имѣешь владѣнія между Швейцаріею, Миланомъ и Савойею, позвольте упассть къ стопамъ Вашей Свѣтлости, и изъявишь мой восторгъ! Клянусь Меркуріемъ, покровителемъ мошенниковъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нельзя найти такого Архиплуша, какъ ты! До сихъ поръ я почиалъ себя самымъ искуснымъ въ нашемъ ремеслѣ, но теперь долженъ уступить преимущество тебѣ, хотя гораздо тебя старѣе и опытнѣе!“—Не ужь-то и послѣ эшаго будешь еще бояться Дона Педро?—спросилъ я.—„Разумѣется, нѣтъ,

опшвѣчалъ онъ; покажись онъ
 теперь сюда: съ чѣмъ при-
 шелъ, съ тѣмъ и уйдемъ!“—
 И такъ мы оба швердо бы-
 ли увѣрены въ успѣхъ на-
 шего предпріятія, и начали
 между собою совѣтоваться,
 куда скрыться намъ съ при-
 данымъ, на которое столько
 надѣялись, какъ будто бы
 оно было уже въ нашихъ
 рукахъ. Однакожь дѣло при-
 няло совсемъ другой оборотъ,
 и всѣ наши надежды разру-
 шились.

Молодой Каламправецъ ско-
 ро возвратился. Съ нимъ
 пришло двое мѣщанъ и Ал-
 тгазиль, столь же почтен-
 ный по усамъ своимъ и

смуглому лицу, сколько и
 по своему званію. Отецъ
 Флореншины былъ съ нами.
 „Господинъ Мойдасъ, сказалъ
 ему Педро, хоть шрое че-
 стныхъ людей; они знаютъ
 меня и могутъ сказать вамъ,
 кто я таковъ.“— О! я могу
 сказать это—вскричалъ Ал-
 гвазилъ—и объявляю всѣмъ,
 до кого сіе касается, что я
 васъ знаю. Васъ зовутъ Пе-
 дро; вы единственный сынъ
 Жуана Велеца де Мембриллы.
 Кто осмѣлился утверждать
 противное, тотъ бездѣль-
 никъ!— „Вѣрю вамъ, госпо-
 динъ Алгвазилъ, сказалъ про-
 шодущный Мойдасъ. Ваше
 свидѣтельство для меня свя-

то, также какъ и свидѣ-
 тельство этихъ господъ, ко-
 торые пришли съ вами. Я
 совершенно увѣренъ, что мо-
 лодой кавалеръ, который васъ
 привелъ сюда, есть сынъ
 корреспондента моего бра-
 та. Но какая до того нуж-
 да? Я ошдумалъ уже ошда-
 вать за него дочь свою.“—

—О! это другое дѣло, ска-
 залъ Алгвазиль. Я пришелъ
 сюда только затѣмъ, чтобъ
 увѣришь васъ, что Донъ Пе-
 дро мнѣ знакомъ. Впрочемъ,
 вы вольны въ вашей дочери,
 и никто не можетъ указы-
 вать вамъ въ выборъ для
 нее жениха.— „И я не хочу,
 прервалъ Педро, прошивишь-

ся вашей волѣ; но позволѣте спросить васъ, почему перемѣнили вы свое намѣреніе? Развѣ имѣете причину бытъ недовольнымъ мною? Лишаясь сладкой надежды сдѣлаться вашимъ зятемъ, по крайней мѣрѣ желалъ бы я знать, не самъ ли я тому виною?“—Мнѣ не за что жаловаться на васъ, ошвѣчалъ старикъ; я сердечно жалѣю, что не могу сдержать моего слова, и прошу у васъ въ томъ прощенія. Я увѣренъ въ вашемъ великодушіи: вы не станете охуждать меня за то, что предпочитаю вамъ соперника, которому обязанъ я спасеніемъ моею

жизни. Вы видите его предъ собою, продолжалъ онъ, указывая на меня, онъ избавитель мой, и—что еще болѣе должно оправдать меня въ глазахъ вашихъ—онъ Итальянской Принцъ.—

При сихъ словахъ Педро онѣмѣлъ и изумился. Удивленные купцы выпучили глаза; но Алгвазиль, привыкши смотрѣть на все съ дурной стороны, подозрѣвалъ, не кроется ли въ этомъ чудесномъ приключеніи какого нибудь плутовства, отъ котораго и онъ можетъ поживиться. Онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза очень пристально; и какъ лице мое, совсемъ

ему незнакомое, удержало его
 отъ рѣшишельнаго обо мнѣ
 заключенія, то поглядывалъ
 и на товарища моего съ та-
 кимъ же вниманіемъ. По не-
 счастію для моей Свѣтлости,
 узналъ онъ Моралеса, и вспо-
 мнивъ, что видалъ его въ
 Цивидадъ-Реальской шюрмъ,
 вскричалъ: „а! а! это одинъ
 изъ старинныхъ моихъ зна-
 комцевъ! Я вспомнилъ теперь
 объ этомъ господинѣ; и кля-
 нусь вамъ, что такого иску-
 снаго плута, какъ онъ, не
 найдете въ цѣлой Испа-
 ніи!“ — Остановитесь, госпо-
 динъ Алгвазилъ, сказалъ Моя-
 дасъ; эшотъ молодецъ, кошо-
 раго вы такъ худо намъ опи-

сываете, слуга Его Свѣтлости Принца.— „Очень хорошо!—отвѣчалъ Алгвазилъ — теперь я понимаю, что это значишь: каковъ слуга, таковъ и господинъ! Они мошенники, и согласились васъ обмануть. Такія дѣла для меня не новы; а чтобы доказатьъ вамъ, что они оба бродяги, плушны, я сейчасъ отведу ихъ въ тюрьму, и доставлю имъ случай побесѣдовать наединѣ съ господиномъ Коррежидоромъ; тогда они узнаютъ, что и для ихъ спинъ довольно еще осталось плетей.“—Перестаньте, господинъ Офицеръ, сказалъ старикъ, къ чему такъ

горячипься? Вы, господа, ни во что ставите оскорбить честнаго чловѣка. Когда слуга плутъ, то развѣ и господинъ его долженъ быть таковъ же? Вѣдь у Принцевъ могутъ быть слуги мошенники: это не новое.—, Оставьте своихъ Принцевъ, прервалъ Азгвазилъ; повѣрьте мнѣ, что этотъ молодой чловѣкъ обманщикъ. Какъ его, такъ и его товарища, Королевскимъ именемъ, беру я подъ караулъ. Здѣсь у воротъ стоятъ двадцать чловѣкъ моей команды, копорые пошашъ ихъ въ шюрму насильно, если они не захашъ идти туда добро-

вольно. Милости просимъ, Ваша Свѣтлость!—сказалъ онъ оборотясь ко мнѣ—не угодно ли прогуляться со мною.“—

Отъ такого привѣтствія Моралесъ и я ошолбенѣли; смущеніе наше навлекло на насъ подозрѣніе Моедаса, или, лучше сказать, заставило его перемѣнить хорошее объ насъ мнѣніе. Онъ догадался, что мы хотѣли его обмануть; однакожь поступилъ въ семъ случаѣ такъ, какъ прилично великодушному человѣку „Господинъ Офицеръ, сказалъ онъ Алгвазилу, подозрѣнія ваши могутъ быть столько же справедливы, какъ и ошибочны. Какъ бы то ни было,

оставимъ дальнѣйшіе розыски. Позвольте этимъ молодымъ господамъ идти, куда имъ угодно. Этой милости прошу у васъ для того, чтобы заплашишь имъ за оказанную мнѣ услугу.“— Обязанность моя, отвѣчалъ Алгвазиль, требовала бы, не смотря на просьбы ваши, отвести бездѣльниковъ въ пюрью; но, изъ дружбы къ вамъ, я отступлю нѣскольکو отъ моей должности, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они сію же минуту выбрались изъ города; если же попадутся мнѣ еще завтра, то узнаюшъ, что съ ними будетъ!—

Услышавъ это , мы немно-
го ободрились : осмѣлились
было утверждать , что мы
люди честные; но Алгвазилъ
взглянулъ на насъ косо , и—
мы замолчали. Не понимаю ,
опъ чего эти люди имѣютъ
такую власъ надъ нами. И
такъ надлежало оставишь
Флореншину и приданое До-
ну Педро де Мембриллъ , ко-
торый , безъ сомнѣнія , сдѣ-
лался зятемъ Иеронима Моря-
даса. Вышедъ изъ города , и
пустившись по дорогѣ къ
Труксилло , упѣшались мы
тѣмъ , что происшествіе сіе
доставило намъ по крайней
мѣрѣ спю пистолей. За часъ
до ночи пришли мы въ одну

деревушку, располагаясь остановиться для ночлега гдѣ нибудь еще далѣе. У воротъ постоялаго двора, довольно порядочной на ружноспи по тамошнему мѣсту, сидѣли хозяинъ и хозяйка на длинныхъ каменьяхъ. Хозяинъ, человекъ высокаго рослу, сухощавой и уже пожилой, бренчалъ на плохой цитрѣ, и пѣмъ забавлялъ жену свою, которая, казалось, слушала его съ удовольствіемъ. „Господа, закричалъ онъ намъ, увидя, что хотимъ пройти мимо, совѣшую вамъ остановиться здѣсь. Отсюда до ближней деревни еще цѣлыя три мили; вы чрезвычай-

чайно устанете, и не найдете нигдѣ такого покою, какъ у меня въ домѣ: я угощу васъ славно, и за самую сходную цѣну.“— Мы послушались; подошли къ хозяину и хозяйкѣ, поклонились, сѣли съ ними и начали всѣ четверо разговаривать о всякой всячинѣ. Хозяинъ выдавалъ себя за чиновника Святой Германдадъ. Жена его, дородная и веселая женщина, умѣла, по видимому, выгодно сбывать шоваръ свой.

Разговоръ нашъ прерванъ былъ прибытіемъ челоѣкъ двѣнадцати или пятнадцати. Одни изъ нихъ ѣхали на мулахъ, другіе на лошадяхъ; а

сзади шло около тридцати навьюченныхъ лошаковъ. — „Ахъ, сколько Принцевъ! — вскричалъ хозяинъ, увидя такое множество людей — гдѣ я ихъ всѣхъ помѣщу?“ — Въ минуту наполнилась деревня людьми и скотомъ. Къ счастью, близъ постоялаго двора былъ огромный сарай, куда поставили лошаковъ и уложили поклажу. Муловъ и лошадей отвели въ другое мѣсто. Чтожь касается до людей, то они не столько думали о постеляхъ, сколько о сытномъ ужинѣ. Хозяинъ, хозяйка и молодая ихъ служанка, суешились чрезвычайно. Они перекололи всѣхъ

своихъ дворовыхъ ппицъ ;
 сверхъ того приготовили
 нѣсколько блюдъ изъ кроли-
 ковъ и кошекъ , и сварили
 большой кошелъ супу съ ба-
 раниной , такъ что можно
 было наѣсться до сыта всѣмъ
 пріѣзжимъ.

Мы съ Моралесомъ смо-
 трѣли на пріѣзжихъ господъ,
 которые также, время отъ
 времени , на насъ поглядыва-
 вали. Наконецъ завели мы съ
 ними разговоръ , и сказали ,
 что если имъ угодно, то мы
 вмѣстѣ съ ними опужина-
 емъ. Они опвѣчали, что это
 будетъ для нихъ очень прі-
 ятно. И такъ мы сѣли за
 общій столъ. Одинъ изъ насъ

распоряжалъ всѣмъ ; прочіе же , хошя и обходились съ нимъ дружески , но оказывали ему почщеніе. Правда, онъ занималъ первое мѣсто , говорилъ громко и повелительнымъ тономъ ; прошиворѣчилъ своимъ поварищамъ , иногда даже съ грубостью ; и они , казалось , уважали его мнѣнія. Нечаянно зашла рѣчь объ Андалузїи ; а какъ Моралесь принялся хвалишь Севиллу , то человекъ , о которомъ говорилъ я выше , сказалъ ему : „Господинъ кавалеръ , вы хвалите городъ , въ которомъ , или въ окрестностяхъ котораго , я родился : деревня Майрена моя роди-

на.“— Я скажу вамъ тоже, отвѣчалъ мой поварищъ : я также изъ Майрены , и невозможно, чѣмъ не зналъ вашихъ родителей. Чей вы сынъ?— „Честнаго Нотариуса Маршина Моралеса.“— Маршина Моралеса!— вскричалъ мой поварищъ съ радостнымъ удивленіемъ—по чести это спранный встрѣча! Такъ вы мой старшій братъ Мануэль Моралесъ?— „Точно такъ; а вы конечно мой меньшой братъ Людовикъ, который былъ еще въ колыбели, когда я оставилъ опцовской домъ.“— Такъ , меня зовушъ Людовикъ.— При сихъ словахъ они встали изъ за стола,

начали обниматься и цѣловаться. Потомъ Мануэль сказалъ собранію: „Вошъ, господа, преудивительной случай! Судьбѣ угодно было свести меня съ братомъ, котораго не видалъ я болѣе двадцатилѣтъ. Позвольте вамъ его представить.“ — Тупъ всѣ кавалеры, которые изъ учтивости встали съ своихъ мѣстъ, поклонились меньшому Моралесу, и едва не задушили его въ своихъ объятіяхъ. Послѣ того сѣли опять за столъ и пропировали всю ночь. Оба брата не отходили другъ отъ друга и разговаривали тихонько о своихъ родныхъ, между тѣмъ,

какъ прочіе госпи пили и веселились.

Людовикъ долго разговаривалъ съ брапомъ своимъ, и опведши меня въ спорону, сказалъ: „Всѣ эши кавалеры принадлежапъ къ шпашу Графа Монтаноса, котораго Король пожаловалъ недавно Вице-Королемъ Маіорки. Они ѣдутъ съ экипажемъ новаго Вице-Короля въ Аликаншу, откуда отправятся моремъ. Брапъ мой, который шеперь управишелемъ у Графа, предложилъ мнѣ, чѣобъ я съ нимъ ѣхалъ, и услышавъ, что мнѣ не хочешся съ шобою разстаться, сказалъ мнѣ, чѣо если и ты хочешъ намъ со-

путешествовать, но онъ доставилъ тебѣ хорошее мѣсто. Любезный другъ, продолжалъ онъ, совѣтую тебѣ не пропускать этого случая. Поѣдемъ вмѣстѣ на Маіорку. Ежели намъ понравится, мы тамъ останемся; ежели нѣтъ, возвратимся въ Испанію.

Я охотно принялъ предложеніе. Мы присоединились къ Графскимъ служителямъ, и до восхожденія солнца выѣхали изъ пракшира. Не останавливаясь нигдѣ днемъ, мы очень скоро прибыли въ Аликанту. Тамъ купилъ я себѣ цитру, сдѣлалъ порядочное платье, и не думалъ болѣе ни о чемъ, кромѣ Ма-

іорки. Людовикъ Моралесъ былъ занятъ такими же мыслями. Казалось, будто мы совсемъ опрелись отъ мошенничества. Надобно сказать правду: намъ хотѣлось прослыть честными людьми между кавалерами, съ которыми находились, и это самое удерживало нашу природную склонность. Наконецъ сѣли мы на корабль съ веселымъ духомъ, въ надеждѣ, что скоро будемъ на Маіоркѣ; но едва только успѣли выйти изъ Аликантскаго пролива, какъ поднялась страшная буря. Здѣсь имѣлъ бы я случай сдѣлать вамъ прекрасное описаніе бури, изобра-

зишь пламенѣющій воздухъ, представишь ужасные удары грома, свистъ вѣтровъ, воздыманіе волнъ, и проч.; но, оставивъ всѣ риторическія фигуры, скажу вамъ просто, что буря была жестокая, и заставила насъ бросить якорь у мыса острова Кабреры. На этомъ необитаемомъ островѣ находишся небольшая крѣпость, охраняемая пятью или шестью солдатами и однимъ Офицеромъ, который принялъ насъ очень ласково.

Такъ какъ намъ надобно было побыть на островѣ нѣсколько дней, чтобы починить паруса и снасти, то

для разсѣянiя искали мы себѣ увеселенiй разнаго рода. Всякъ слѣдовалъ своимъ склонностямъ: одни играли въ карпы, другіе забавлялись иначе; а я прохаживался по острову съ тѣми изъ товарищей моихъ, которые любили прогулку. Мы скакали съ ушеса на ушесъ: ибо земля на островѣ гориста. Однажды, какъ мы разсмащивали сіи сухія и безплодныя мѣста, удивляясь упрямству природы, которая, по произволу, является то щедрою, то скупую, почувствовали вдругъ прiятный запахъ. Мы тотчасъ обратились на востокъ, откуда

неслось благоуханіе, и, къ уди-
 вленію нашему, примѣшили,
 между утесами, простран-
 ной зеленой лугъ, покрытый
 кустами жимолости, гораздо
 прекраснѣе и ароматнѣе той,
 кошорая расшлепъ въ Анда-
 лузіи. Подошедъ къ благо-
 вонному кустарнику, мы уви-
 дѣли позади онаго входъ въ
 глубокую пещеру. Пещера бы-
 ла обширна и не слишкомъ
 темна. Мы спустились пу-
 да по каменной излучистой
 лѣстницѣ, устроенной самою
 природою; ступени были у-
 сѣяны цвѣтами. Сошедши
 внизъ, увидѣли множество
 ручейковъ, которые струи-
 лись по песку, превосходя-

щему блескомъ своимъ золото, и которые составлялись изъ водяныхъ капель, безпрестанно падающихъ съ утесовъ и проникающихъ землю. Свѣжая и вкусная вода сколько намъ понравилась, что мы не только напились ее, но рѣшились на другой день придти опять на это мѣсто, и принести съ собою нѣсколько бутылокъ вина, надѣясь, что здѣсь оно будетъ для насъ гораздо вкуснѣе.

Мы съ сожалѣніемъ оставили это пріятное мѣсто, и возвращаясь въ крѣпость, не пропустили похвасташь передъ нашими поварищами

такимъ прекраснымъ откры-
 тіемъ ; но Комендантъ ска-
 залъ намъ, что онъ не совѣ-
 шуетъ ходитъ болѣе въ пе-
 щеру, кошорая насъ столько
 плѣнила.— „А по чему бы это?
 спросилъ я : развѣ можно
 тамъ чего нибудь опасать-
 ся?“— Безъ сомнѣнія , отвѣ-
 чалъ онъ. Алжирскіе и Три-
 польскіе морскіе разбойники
 приспаяютъ иногда къ ос-
 трову и запасаются изъ ис-
 точника свѣжею водою. Од-
 нажды захватили они двухъ
 солдатъ моего гарнизона и
 увезли въ плѣнъ. Хотя Г. Ко-
 мендантъ увѣщевалъ насъ съ
 важнымъ видомъ, но не могъ
 убѣдить : мы приняли это

за шутку. На другой же день я и трое служителей Графскихъ, пошли опять въ пещеру. Желая доказать, что мы ничего не боимся, не взяли съ собою даже и ружей. Меньшой Моралесъ не хотѣлъ быть нашимъ товарищемъ: ему и брату его разсудилось лучше остаться въ крѣпости за игрою.

Мы спустились въ пещеру, также какъ и наканунѣ, и прохладили въ водѣ нѣсколько бушелокъ вина, принесенныхъ съ собою; но между тѣмъ какъ осушали стаканы, играя на цитрѣ и весело разговаривая, на верху пещеры показалось множе-

ство людей съ густыми усами, въ чалмахъ и Турецкихъ плащяхъ. Сначала мы думали, что это наши товарищи и Комендантъ крѣпости, которые такъ нарядились для того, чтобы насъ поспрацать. Будучи въ такомъ заблужденіи, мы принялись хохотать, и дали сойти десятиперымъ изъ нихъ, не помышляя о защитѣ. Но скоро потомъ, и къ сожалѣнію уже поздно, узнали свою ошибку, и: е: удосповѣрились, что это былъ морской разбойникъ, который съ шайкою своею пришелъ схватить насъ. Сдайтесь, собаки! — закричалъ онъ показывая

ски—или всѣмъ вамъ смерть!—
 Тутъ прочіе разбойники при-
 цѣлились въ насъ карабинами,
 и дали бы по насъ изрядный
 залпъ, еслибъ мы сдѣлали хо-
 тя малѣйшее сопротивленіе.
 Мы предпочли неволю смер-
 ти: опдали наши шпаги раз-
 бойнику. Онъ велѣлъ нало-
 жишь на насъ цѣпи, и оп-
 вести на свой корабль, ко-
 торый стоялъ недалеко оп-
 шуда. Подняли паруса, и ко-
 рабль полетѣлъ въ Алжиръ.

Такимъ образомъ были мы
 наказаны за пренебреженіе
 Комендантова совѣта. Преж-
 де всего корсаръ обыскалъ
 насъ и обобралъ деньги. По-
 рядочная для него добыча!

Двѣсти пистолей, украденныя у мѣщанъ изъ Плаценціи, сто пистолей, которыя Моралесъ получилъ отъ Мойдаса, и которыя, по несчастію, были со мною: все это было у меня похищено безъ милосердія. Кошельки моихъ товарищей были также довольно туго набиты. Морской разбойникъ казался въ себя отъ радости, и бездѣльникъ, не довольствуясь тѣмъ, что опинялъ у насъ деньги, осыпалъ насъ еще насмѣшками. Послѣ многихъ язвительныхъ шутокъ, велѣлъ онъ принести бутылки съ виномъ, которыя прохладили мы въ источникъ, и кошо-

рыя люди его не забыли
взять съ собою. Онъ при-
нялся вмѣстѣ съ ними опо-
ражнивать бутылки и пить
въ насмѣшку за наше здорье.

Между тѣмъ видъ това-
рищей моихъ ясно показы-
валъ, что они чувствовали.
Рабство было для нихъ тѣмъ
несноснѣе, чѣмъ сладостнѣе
представлялось путешествіе
на Маіорку, гдѣ надѣялись
они вести самую пріятную
жизнь. Что касается до ме-
ня, то я имѣлъ довольно
твердости, готовъ былъ рѣ-
шиться на все, и унывая
менѣе прочихъ, вступилъ съ
насмѣшникомъ въ разговоръ;
началъ даже шутить съ нимъ

вмѣстѣ. Это ему понравилось. „Молодой человекъ, сказалъ онъ мнѣ, нравъ твой мнѣ понравился: и въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы вздыхать и плакать, гораздо лучше вооружиться терпѣніемъ и соображаться съ обстоятельствомъ. Сыграй намъ пѣсенку, продолжалъ онъ, увидѣвъ у меня цитру, послушаемъ твоего искусства.“ — Мнѣ развязали руки; я началъ бренчать на цитру и заслужилъ его похвалу. Надобно сказать, что я учился у лучшаго мастера въ Мадридѣ, и игралъ довольно хорошо. Голосъ мой не менѣе ему понравился. Всѣ Турки,

находившіеся на корабль, изъ-
 являли своими шѣлодвиженіа-
 ми по удовольствіе, какое
 доставляли имъ игра моя и
 пѣніе; изъ чего я заключилъ,
 что они не великіе знапки
 въ музыкѣ. Главный разбой-
 никъ шепнулъ мнѣ на ухо,
 что я не буду несчастень
 въ неволѣ, и что съ моими
 дарованіями могу надѣясь
 быть опредѣленъ въ такую
 должность, кошорая сдѣлаетъ
 рабство для меня сноснымъ.

Слова сіи нѣсколько меня
 порадовали; но хошя были
 онѣ для меня лесшны, я не
 мало безпокоился о томъ,
 что за должность обѣщаль
 мнѣ разбойникъ? По прибы-

тѣи въ Алжирскую гавань,
 увидѣли мы на берегу мно-
 жество людей, толпившихся
 къ намъ навстрѣчу. Мы не
 успѣли еще сойти съ кораб-
 ля, какъ раздались радост-
 ные крики. Сверхъ того воз-
 духъ оглашаемъ былъ смѣ-
 шанными звуками трубъ,
 Арабскихъ свирѣлей и дру-
 гихъ инструментовъ, упот-
 ребляемыхъ ими; все это со-
 ставляло симфонію, болѣе
 шумную, нежели пріятную.
 Ложный слухъ, распростра-
 нившійся по городу, былъ
 причиною такой радости:
 тамъ говорили, что Рене-
 гашъ Мегемешъ (такъ звали
 нашего разбойника) погибъ

при нападеніи на одно большое Генуезское судно; всѣ родные и друзья его, узнавшіе о благополучномъ его возвращеніи, спѣшили оказатъ предъ нимъ свою радость.

Лишь только спутили мы на землю, какъ повели меня и всѣхъ товарищей моихъ во дворецъ Паши Солимана, гдѣ Хрисстіянской писарь допрашивалъ насъ по одиначкѣ, объ именахъ, лѣтахъ, ошечествѣ, религіи и способностяхъ. Тогда Мегеметъ, представляя меня Пашѣ, хвалилъ ему мой голосъ, и сказалъ, что я превосходно играю на цитрѣ. Этому было довольно, чтобы возбудить въ Солиманѣ

желаніе взять меня къ себѣ въ службу. И такъ остался я въ его Серали. Прочіе плѣнные были выведены на площадь и распроданы по обыкновенію. Мегемешово предсказаніе исполнилось: участь моя была завидна. Меня не держали въ заключеніи и не упошребляли въ тяжелыя работы. Солиманъ Паша приказалъ оповѣсти мнѣ особое жилище вмѣстѣ съ пятью или шестью невольниками знашной породы, которые ожидали скорого выкупа, и кошорыхъ занимали только легкими трудами. Мнѣ поручено было поливать цвѣты и померанцовыя деревья.

Я не могъ желать пріятнѣйшаго для себя упражненія.

Солиманъ былъ человекъ лѣтъ сорока, сшашень собою, очень обходительнъ и учтивъ — для Турки. У него была любовницей Кашемирянка, копорая умомъ своимъ и красотою пріобрѣла надъ нимъ неограниченную власть. Онъ любилъ ее до безумія; забавлялъ каждый день, то вокальнымъ и инспрументальнымъ концертомъ, то комедіею въ Турецкомъ вкусѣ. Въ сихъ драматическихъ произведеніяхъ стыдъ и благопристойность столь же мало были соблюдаемы, какъ и правила Ари-

ешошеля. Фаррукнаць (такъ звали любовницу) была страстная охотница до такихъ зрѣлищъ, даже женщинъ своихъ заставляла иногда представлять Арабскія піэсы передъ Пашею. Играя сама нѣкоторыя роли, она пріятностію и живостію своего дѣйствія приводила зрителей въ восхищеніе. Однажды, когда я находился въ числѣ музыкантовъ при подобномъ представленіи, Солиманъ приказалъ мнѣ играть на цимбръ и пѣть одному въ аншракѣ. Я имѣлъ счастье понравиться; мнѣ рукоплескали; а любимица Султанова (какъ мнѣ показалось) удо-

стояла меня благосклоннымъ
взоромъ.

На другой день, когда я
поливалъ въ саду померанце-
вые деревья, прошелъ мимо
меня Евнухъ, и не сказавши
ни слова, бросилъ къ ногамъ
моимъ записочку. Я поднялъ
ее со смущеніемъ, смѣшан-
нымъ съ удовольствіемъ и
боязнію. Опасаясь, чтобъ не
замѣтили меня изъ оконъ Се-
рали, зашелъ я за померан-
цевые ящики, прилегъ на
землю и развернулъ записочку.
Въ ней нашелъ я брилліантъ
довольно дорогой цѣны, съ
слѣдующими словами на чи-
стомъ Каспильскомъ языкѣ:
„Молодой Христіанинъ! бла-

„годари Небо за твое раба-
 „ство. Любовь и счастье
 „сдѣлають оно для тебя.
 „сладостнымъ: любовь, если
 „ты будешь чувствителенъ
 „къ прелестямъ пригожей
 „женщины; счастье, если
 „имѣешь столько мужества,
 „чтобы презрѣть всѣ воз-
 „можныя опасности.“

Я нимало не сомнѣвался,
 что письмо сіе не было
 отъ Султанши; слогъ и брил-
 ляншъ меня въ томъ увѣ-
 ряли. Я не робокъ былъ отъ
 природы; при томъ же шце-
 славіе имѣшь связь съ лю-
 бовницею моего повелителя,
 а особливо надежда полу-
 чить отъ нее вчетверо бо-

яѣе денегъ , сколько нужно
 было для моего выкупа, рѣ-
 шили меня испытать свое
 счастье. Я принялся опять
 за свою работу, размышляя
 о средствахъ пробраться въ
 Фаррукнацины покои , или,
 лучше сказать, ожидая, чтобъ
 она сама открыла мнѣ пу-
 да дорогу; ибо предполагалъ,
 что благосклонность ея не
 кончится однимъ письмомъ,
 и что она сдѣлаетъ для ме-
 ня гораздо болѣе. Я и не
 обманулся. Тотъ же самый
 Евнухъ черезъ часъ опять
 прошелъ мимо меня, сказавъ:
 „Христіанинъ, надумался ли
 ты? Имѣешь ли столько смѣ-
 лости , чтобы слѣдовать за

мною?“— Я отвѣчалъ, что готовъ на все.— „Ну, подхватишь онъ, да сохранишь тебя Небо! Ты увидишь меня завтра по утра.“— Тутъ онъ удалился, а на слѣдующій день въ самомъ дѣлѣ явился ко мнѣ въ восемь часовъ утра. Сдѣлалъ знакъ, чѣмъ я подошелъ къ нему, и потомъ привелъ меня въ залу, гдѣ лежалъ большой свертокъ холста, который принесъ шуда онъ съ другимъ Евнухомъ, и который они должны были доставить Султаншѣ, для декораціи къ одной Арабской піесѣ.

Евнухи развернули полотно, велѣли мнѣ лечь въ него,

протянувшись во весь роспѣ,
 и свернули его опять вмѣ-
 стѣ со мною такъ крѣпко,
 что чуть было меня не за-
 душили. Потомъ, взявъ каж-
 дый изъ нихъ за конецъ по-
 лощна, пронесли меня безъ
 всякаго опасенія въ спальню
 прекрасной Кашемирянки.
 Она была одна съ старою
 невольницею, совершенно ей
 преданною. Онѣ обѣ развер-
 нули полощно; Фаррукнацъ,
 увидя меня, изъявила радо-
 стный восторгъ, который
 показывалъ свойство жен-
 щинъ сей страны. При всей
 моей природной смѣлости,
 я не могъ не ужаснуться,
 очутившись вдругъ въ са-

момъ тайномъ женскомъ по-
коѣ. Она примѣшила это, и,
чтобъ разогнать мой страхъ,
сказала : „молодой человѣкъ,
не бойся ничего. Солиманъ
уѣхалъ въ свой загородной
домъ ; онъ тамъ пробудетъ
цѣлый день; мы можемъ здѣсь
поговорить свободно.“

Слова сіи меня успокоили,
и смѣлый видъ , который я
на себя принялъ, удвоилъ ра-
дость въ Султаншѣ.— „Ты
мнѣ полюбился—продолжала
она—я хочу облегчить бремя
твоего рабства. Я почи-
таю тебя достойнымъ тѣхъ чув-
ствованій, которыя къ те-
бѣ питаю. Благородный и

пріятный видъ твой, не
 смотря на невольническое
 плашье, доказываетъ, что
 ты не простаго рода. Будь
 со мною откровененъ, скажи
 мнѣ, кто ты таковъ. Я
 знаю, что плѣнники знатнаго
 рода скрываютъ свое проис-
 хожденіе для того, чтобъ не
 потребовали за нихъ боль-
 шаго выкупу; но такая пред-
 осторожность совсемъ для
 тебя не нужна; ты тѣмъ
 только оскорбишь меня: я
 обещаю тебѣ свободу. Будь
 откровененъ, признайся, ты
 изъ знатной фамиліи? — Въ
 самомъ дѣлѣ, сударыня, от-
 вѣчай я, съ моей стороны
 было бы непростишительно

платишь за ваши милости
 при шворствомъ. Вамъ непре-
 мѣнно угодно, чтобъ я от-
 крылъ свое происхожденіе:
 должно повиноваться. Я сынъ
 Испанскаго Гранда.— Можешь
 бышь сказать я и правду,
 по крайней мѣрѣ Султанша
 тому повѣрила; и восхища-
 ясь тѣмъ, что обратила взо-
 ры свои на знатнаго чело-
 вѣка, увѣряла меня, что ей
 очень пріятно будетъ ви-
 дѣться со мною почаще и
 наединѣ. Я не видалъ еще
 женщины милѣе въ обраще-
 ніи: она знала много языковъ,
 а особливо Кастильской, на
 которомъ изъяснялась до-
 вольно хорошо. Замѣтивъ,

что пора намъ разстаться, велѣла она мнѣ лечь въ большую ивовую корзину, покрытую шелковой тканью собственной ея работы. Потомъ позвала тѣхъ же двухъ невольниковъ, и они унесли меня назадъ, какъ будто подарокъ, посылаемый отъ Султанши къ Пашѣ; а къ такимъ подаркамъ никто изъ смотрителей Серали не смѣетъ прикасаться.

Мы находили еще и другія средства видѣться наединѣ, и эта милая плѣнница по немногу вселила въ меня такую же любовь, какою сама ко мнѣ пылала. Связь наша два мѣсяца была никому

неизвѣстна, хотя и очень трудно скрывать въ Серали долго любовныя тайны отъ неусыпныхъ Аргусовъ. Но одно нечаянное приключеніе разстроило всѣ наши планы и совершенно перемѣнило судьбу мою. Однажды, какъ принесли меня къ Султаншѣ въ сдѣланномъ нарочно для театральнаго представленія драконѣ, и когда я разговаривалъ съ нею, Солиманъ, котораго считали мы въ оплучкѣ, явился. Онъ шакъ скоро вошелъ въ комнату своей любовницы, что старая невольница едва успѣла сказать намъ о его приходѣ. Я имѣлъ еще менѣе времени спрятавшись

ся, и первый попался Пашѣ на глаза.

Онъ, увидя меня, чрезвычайно удивился; глаза его засверкали яростію. Я почиталъ себя человѣкомъ, который находится при послѣднемъ издыханіи, и воображалъ уже, что меня казнятъ. Что касается до Фаррукнацы, то, хотя она испугалась, но вмѣсто того, чтобы признаваться въ своемъ преступленіи и просить прощенія, сказала Солиману: „Государь! прежде, нежели произнесете приговоръ мой, удостойте выслушать. Наружность, конечно, осуждаетъ меня: по видимому, я виновна предъ

вами въ вѣроломствѣ, достойномъ жесточайшаго наказанія. Я велѣла ввести сюда эшаго молодого невольника, и употребила для того такую же хитрость, къ которой прибѣгла бы только самая страстная любовница. Однакожь—великой нашъ Пророкъ тому свидѣтель! — не смотря на такой поступокъ, я не нарушила моей къ вамъ вѣрности — хотѣла только поговорить съ этимъ Христіанскимъ невольникомъ, чтобъ вывести его изъ заблужденія и обратишь въ православную нашу вѣру. Я нашла въ немъ сопротивление, котораго и ожидала. Нако-

нецъ преодолѣла его предразсудки: онъ сей часъ общалъ мнѣ принять Магометанскую вѣру. “—

Признаюсь, что не смотря на опасное положеніе, въ которомъ я находился, мнѣ должно бы было изобличить во лжи Султаншу; но въ уныніи духа, пронутый опасностью, въ которой видѣлъ любимую мною женщину, и спрассь за самаго себя, я стоялъ въ изумленіи: не могъ произнести ни слова. Паша, убѣжденный моимъ молчаніемъ, что любовница его говорила правду, укропиль гнѣвъ свой. „Вѣрю, ошвѣчалъ онъ, что ты не ос-

корбила моей чести, и что
 желаніе угодишь великому
 нашему Пророку побудило
 тебя къ столь щекопливому
 и опасному предпріятію. И
 такъ прощаю твою неоспо-
 рожносшь, съ тѣмъ однако,
 чтобы эшотъ невольникъ не-
 медлѣнно принялъ нашу вѣ-
 ру. — Тутъ велѣлъ онъ по-
 звашь Марабу (*). На меня на-
 дѣли Турецкое платье. Я дѣ-
 лалъ все, что ни приказыва-
 ли мнѣ, будучи не въ силахъ
 прошивишься, или, лучше ска-
 зать, въ замѣшательствѣ я
 не зналъ, что дѣлалъ. Многіе

(*) Марабу, Магомешакскій пошъ.

Христіане были бы въ подобномъ случаѣ не шверже меня!

Послѣ церемоніи вышелъ я изъ Серали, и, подъ именемъ Сиди Али, вступилъ въ опшправленіе небольшой должности, которую поручилъ мнѣ Султанъ. Я не видалъ уже Султанши; но одинъ изъ Евнуховъ ея, пришедши ко мнѣ однажды, принесъ мнѣ опшъ нее дорогихъ каменьевъ на двѣ тысячи золотыхъ сулшаниновъ, съ письмецомъ, въ кошоромъ она увѣряла меня, что никогда не забудетъ великодушнаго моего одолженія, что я сдѣлался Магомешаниномъ для спасенія ея

жизни. Въ самомъ дѣлѣ, кро-
мѣ подарковъ, полученныхъ
мною отъ нее, досталъ я,
по ея же ходатайству, мѣ-
сто, гораздо значительнѣе
перваго, и въ шесть или семь
лѣтъ сдѣлался однимъ изъ
богатѣйшихъ Ренегатовъ въ
городѣ Алжирѣ.

Вы можете легко себѣ во-
образишь, что я находился
при молишвахъ, совершае-
мыхъ Музульманами въ ме-
чешяхъ ихъ, и исполнялъ
другіе обряды ихъ религіи —
по одной только наружно-
сти. Я имѣлъ швердое намѣ-
реніе обратиться опять въ
нѣдра православной церкви;
и для того располагался уда-

лишья со временемъ въ Испанію или въ Италію, съ пріобрѣщенными мною богатствами. Между шѣмъ жилъ я очень пріятно; имѣлъ хорошій домъ, прекрасные сады, множество невольниковъ и пригожихъ женщинъ въ своей Серали. Хотя употребленіе вина и запрещено въ сей странѣ Магометанамъ, однакожь большая часть изъ нихъ пьютъ его шихонько. Я же пилъ вино безъ всякаго опасенія, какъ обыкновенно дѣлаютъ всѣ Ренегаты. Помнится, у меня было двое собесѣдниковъ, съ которыми часто пировалъ я цѣлыя ночи. Одинъ былъ Жидъ, дру-

гой Арабъ. Я почиталъ ихъ людьми честными, и, въ сей увѣренности, обходился съ ними безъ принужденія. Однажды вечеромъ позвалъ я ихъ къ себѣ ужинашъ. Въ этотъ день умерла у меня собака, которую я любилъ чрезвычайно; мы обмыли ея шло, и похоронили со всѣми церемоніями, наблюдаемыми при погребеніи Магомешанъ. Мы сдѣлали это отнюдь не для осмѣянія Турецкой религіи, но единственно для забавы.

Однакожь эта шутка чужь было меня не погубила. На другой день явился ко мнѣ какой-то человекъ и сказалъ:

„Господинъ Сиди Али, я пришелъ къ вамъ по важному дѣлу. Кади хочешь съ вами повидаться, и сей же часъ къ себѣ васъ ожидаетъ. Арабской купецъ, который вчера ужиналъ съ вами, донесъ ему объ оказанномъ вами нечестіи при погребеніи собаки; и потому мнѣ вѣрно требовать васъ къ суду; если вы не явитесь, съ вами поступлено будетъ по всей строгости законовъ.“ — Сказавши это, онъ вышелъ, оставивъ меня въ большомъ недоумѣніи. Арабъ не имѣлъ никакой причины на меня жаловаться; я не могъ понять, для чего онъ сыгралъ

со мною такую шутку. Тѣмъ не менѣе дѣло заслуживало вниманія. Я зналъ, что Кади былъ спрогъ только по наружности, а впрочемъ не такъ-то набоженъ и совѣсливъ. Взявъ съ собою двѣши золотыхъ султаниновъ, я тотъ же часъ пошелъ къ нему. Онъ велѣлъ впустишь меня къ себѣ въ кабинетъ, и сказалъ съ суровымъ видомъ: „Ты беззаконникъ, нечесшивецъ, гнусный человѣкъ! Ты похоронилъ собаку, какъ Музульманина. Такъ-то ты уважаешь наши священнѣйшіе обряды! И развѣ для того сдѣлался Магомешаниномъ, чтобы ругаться надъ нашей

религіей?“— Господинъ Кади,
 отвѣчалъ я ему, Арабъ, ко-
 торый сдѣлалъ вамъ такое
 ложное донесеніе, эшопъ вѣ-
 роломный другъ, былъ самъ
 участникомъ въ моемъ пре-
 ступленіи, если можно на-
 звать преступленіемъ по-
 слѣдній долгъ, оказанный вѣр-
 ному служишелю, невинному
 живошному, кошорое одаре-
 но было тысячью прекрас-
 ныхъ качествъ. Собака моя
 сполько любила достойныхъ
 и отличныхъ людей, что
 умирая, въ завѣщаніи своемъ
 (кошораго я исполнишель)
 отказала имъ все свое имѣ-
 ніе: иному двадцать ефим-
 ковъ, другому шридцать; не

забыла также и васъ, Милосливый Государь, продолжалъ я, вынимая кошелекъ. Вотъ двѣсти сулганиновъ, копорые она завѣщала мнѣ вручить вамъ. При сихъ словахъ важность Кадіева исчезла; онъ не могъ удержаться отъ смѣху; и какъ мы были одни, то принялъ онъ кошелекъ безъ церемоніи, и, опуская меня, сказалъ: „извольте идти, господинъ Сиди Али: вы хорошо сдѣлали, что похоронили съ честію собаку, которая имѣла столько уваженія къ честнымъ людямъ.“ —

Такимъ образомъ избавился я отъ бѣды; и если это

не сдѣлало меня умнѣе, по
по крайней мѣрѣ осторож-
нѣе. Я не пировалъ уже бо-
лѣе ни съ Арабомъ, ни съ
Жидомъ, а выбралъ себѣ въ
товарищи одного дворянина
изъ Ливорно, который былъ
у меня невольникомъ. Его
звали Азарини. Я не похо-
дилъ на другихъ Ренегатовъ,
которые обращаются съ Хри-
стіянами—невольниками же-
сточе, нежели самые Турки:
всѣ мои плѣнники ожидали
своего выкупа съ терпѣніемъ.
Правду сказать, я обходил-
ся съ ними весьма милоспи-
во, и часто имѣлъ удоволь-
ствіе слышать отъ нихъ,
что они не столько желаютъ

свободы—какъ она ни драго-
цѣнна плѣнникамъ — сколько
опасающся попастъся въ ру-
ки къ другому господину.

Однажды принадлежащіе
Пашѣ корабли возвратились
съ великою добычею. Они
привезли болѣе ста неволь-
никовъ обоего пола, кошо-
рыхъ захватили на берегахъ
Испаніи. Солиманъ оставилъ
у себя изъ нихъ очень малое
число; а прочихъ приказалъ
продать. Мнѣ случилось про-
ходить площадь, гдѣ произ-
водилась продажа, и я купилъ
Испанскую дѣвушку лѣтъ двѣ-
надцати. Она горько плака-
ла и рвалась отъ отчаянія.
Я удивлялся, что неволя ка-

залась для нее столь чув-
 ствительною въ такія лѣша:
 просилъ ее успокоиться, и
 увѣрялъ, что она попалась
 въ руки къ господину, ко-
 торый хотя и въ чалмѣ, но
 знаетъ человѣколюбіе. Дѣвуш-
 ка, въ ужасной печали, не
 слушала словъ моихъ; взды-
 хала, жаловалась на судьбу
 свою, и, время отъ времени,
 восклицала жалобнымъ голо-
 сомъ: „О мать моя! зачѣмъ
 мы съ тобой расстались! Я
 все сносила бы терпѣливо,
 еслибъ мы были вмѣстѣ.“—
 Говоря это, она оборачива-
 лась къ женщинѣ лѣшѣ со-
 рока пяти или пятидесяти,
 которая стояла отъ нее на

нѣсколько шаговъ, и въ глу-
бокомъ молчаніи, съ попу-
ленными глазами, ожидала,
чтобъ кто нибудь ее купилъ.
Я спросилъ у дѣвушки, не
мать ли ея эта женщина?—
„Да, сударь, отвѣчала она;
ради Бога, постарайтесь,
чтобъ мы не разлучались!“—
Хорошо, душенька; ежели мо-
гу этимъ тебя утѣшить,
то сей же часъ исполню твое
желаніе.—Тутъ подошелъ я къ
машери, чтобы сторговать
ее; но едва успѣлъ на нее
взглянуть, какъ узналъ въ
ней (вы можете вообразить
мое изумленіе) мать мою Лю-
цинду.—Праведное Небо!—ска-
залъ я самъ себѣ—это мать

моя!—Что касается до нее, она не узнала меня: потому ли, что въ отчаяніи почишала всѣхъ ее окружающихъ своими врагами, потому ли, что плащъ мое меня перемѣнило, или наконецъ потому, что я самъ очень перемѣнился въ двѣнадцать лѣтъ разлуки моей съ нею. Я купилъ ее, и повелъ вмѣстѣ съ дочерью къ себѣ домой.

Тамъ захотѣлось мнѣ обрадовать ихъ открытіемъ.— „Сударыня, сказалъ я Люциндѣ, возможно ли, чтобы лице мое не поразило васъ? Не ужьли усы и чалма столько перемѣнили вашего

сына Рафаеля? “ При сихъ словахъ мать моя содрогнулась, и пристально посмотрѣвъ мнѣ въ лице, узнала меня. Мы заключили съ нѣжностію другъ друга въ объятія. Потомъ обнялъ я и дочь ея, которой, можетъ быть, столько же извѣстно было, что у нее есть братъ, какъ и мнѣ, что у меня есть сестра. — „Признай-шесь, сказалъ я моей матери, что ни въ одной изъ театральныхъ піесъ вашихъ нѣтъ такого страннаго свиданія!“ — Любезный сынъ, отвѣчала она со вздохомъ, сначала обрадовалась я увидѣвъ тебя, но радость моя обра-

шила въ горестъ. Ахъ! въ
какомъ состояніи я нахожу
тебя! Рабство мое гораздо
менѣе сокрушаетъ меня, чѣмъ
ненавистное одѣяніе

„Вотъ прекрасно, сударыня!—
прервалъ я рѣчь ея смѣю-
чись — какая разборчивость!

Я удивляюсь этому въ акт-
рисѣ. Конечно вы очень пе-
ремѣнились, когда мое пре-
образование столько для васъ
ненавистно. Въмѣсто того,
чтобы сердиться на чалму
мою, считайте меня акте-
ромъ, который играетъ на
театрѣ роль Турки. Я хотя
и Ренегатъ, но почто та-
кой же Музульманинъ, ка-
кимъ былъ въ Испаніи, и

внутренно преданъ моей религіи. Вы просшите меня, когда узнаете все, что здѣсь со мною случилось. Амуръ виною моего преступленія: родившись въ васъ, любезная машушка, я жертвую собою этому божку. Еще другая причина, прибавилъ я, должна умѣришь ваше огорченіе. Вы готовили себя къ жестокой неволѣ, и между тѣмъ находите въ господинѣ своемъ нѣжнаго, почтительнаго сына, который столько богатъ, что можетъ содержать васъ въ изобиліи, до тѣхъ поръ, пока всѣ мы не сыщемъ благопріятнаго случая возвратиться въ Испанію.

Пословица говоришь правду:
и несчасіе къ чему нибудь
пригодится.“—

Я спокойна, любезный сынъ,
сказала мнѣ Люцинда, если
ты намѣренъ возвратишься
со временемъ въ отечество и
отречься отъ Магомешан-
ства. Слава Богу!—продолжа-
ла она—я привезу въ Ка-
стилію сестру твою Бе-
априксу здраву и невреди-
му.— „Да, мамушка, желаніе
ваше исполнишся. При пер-
вомъ удобномъ случаѣ мы всѣ
шрое отправимся отсюда къ
остальной нашей роднѣ; ибо,
какъ я думаю, вы имѣете
въ Испаніи еще и другіе
знаки вашего плодородія.“—

Нѣтъ : у меня только и дѣ-
 шей, что вы двое, и Беат-
 рикса есть плодъ совершен-
 но законнаго брака.— „А для
 чегожь вы дали меньшей се-
 стрѣ моей это преимуще-
 ство надо мною? Какъ мог-
 ли рѣшиться выдти замужъ?
 Сколько разъ слыхалъ я отъ
 васъ еще въ ребячествѣ, что
 по мнѣнію вашему пригожей
 женщинѣ непроспительно вы-
 ходишь замужъ.“— Другія
 времена, другія мысли! Му-
 щины, самые твердые въ
 своихъ намѣреніяхъ, быва-
 ютъ подвержены переменамъ;
 а ты требуешь поспоянства
 отъ женщины! Я расскажу
 тебѣ, что случилось со мною

послѣ того, какъ ты ушелъ изъ Мадрида.— Тутъ начала она слѣдующее повѣствованіе, котораго я никогда не забуду. Оно такъ любопытно, что не хочу лишаться и васъ удовольствія его слышать.

„Тому уже около тринадцати лѣтъ, говорила она, какъ ты оставилъ молодаго Леганеца. Въ это время Герцогъ де Медина Цели прислалъ сказать мнѣ, что хочетъ ужинашь со мною наединѣ. Назначенъ мнѣ день; онъ пріѣхалъ, и я ему понравилась. Герцогъ требовалъ, чтобы я пожертвовала ему всѣми соперниками, которыхъ имѣлъ предполагалъ безъ ошибки. Я

согласилась, въ надеждѣ, что
 мнѣ будетъ заплачено за по-
 щедрою рукою. Надежда моя
 была не напрасна: на другой
 же день онъ осыпалъ меня
 подарками, за которыми слѣ-
 довали потомъ и другіе. Я
 боялась, что не въ силахъ
 буду удержатъ надолго въ
 своей власти такого знашна-
 го человѣка. Я опасалась се-
 го шѣмъ болѣе, что онъ не
 разъ уже ускользалъ отъ слав-
 нѣйшихъ красавицъ. Меж-
 ду шѣмъ, къ ласкамъ моимъ
 онъ не только не сипановил-
 ся день ото дня равнодуш-
 нѣе, но, казалось еще, что
 находилъ въ нихъ новое удо-
 вольствіе. Однимъ словомъ,

я умѣла столько занять Герцога, что непостоянное отъ природы сердце его не могло болѣе предаваться своей склонности.“

„Герцогъ любилъ меня уже три мѣсяца, и я ласкалась надеждою, что любовь его будетъ продолжительна. Однажды вздумалось мнѣ съ моею пріятельницею побывать въ концертѣ, куда пріѣхалъ и онъ съ своею супругою. Нечаянно мы сѣли довольно близко отъ Герцогини, которой не понравилось такое сосѣдство. Она послала одну изъ бывшихъ при ней служительницъ сказать мнѣ, чтобъ я пошчасъ

вышла вонъ. Я съ грубостью отвѣчала посланной. Раздраженная Герцогиня пожаловалась своему супругу, который, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Поди вонъ, Люцинда. Когда знатные господа заводяшъ связи съ подобными тебѣ женщинами, то онѣ не должны забываться. Если мы любимъ васъ болѣе, чѣмъ женъ нашихъ, то ихъ болѣе уважаемъ; и всякой разъ, когда вамъ вздумается равняшъся съ ними, дерзость ваша будетъ наказана примѣрнымъ образомъ.“ —

„Къ счастью, Герцогъ сказалъ мнѣ сіи колкія слова такъ тихо, что никто изъ

окружавшихъ насъ не слы-
 халъ. Я вышла со стыдомъ,
 и плакала, досадуя на такое
 оскорбленіе. Къ большому мо-
 ему огорченію, актеры и
 актрисы въ тотъ же вечеръ
 узнали объ этомъ приклю-
 ченіи. Можно сказать, что
 въ нашемъ обществѣ гнѣз-
 дится какой-то нечистой
 духъ, который находишь у-
 довольствіе въ томъ, чтобы
 давать знать однимъ обо
 всемъ, что случается съ дру-
 гими. Напримѣръ, сдѣлаешь
 ли актеръ въ пьянствѣ ка-
 кое нибудь дурачество, или
 актриса заключишь условіе
 съ богатымъ любовникомъ,
 все общество немедленно о

томъ провѣдаешъ. И такъ всѣ подружки мои узнали о приключеніи въ концертъ, и порядочно на мой счетъ повеселились. Ихъ любовь къ ближнему всегда оказывается въ подобныхъ случаяхъ. Однакожь я презрѣла ихъ толки, и скоро позабыла потерю Герцога де Медина Цели; ибо онъ болѣе не пріѣзжалъ ко мнѣ. Нѣсколько дней спустя, узнала я, что плѣнила его какая-то пѣвица.“

„Когда театральная героиня попадетъ въ славу, то у ней не бываетъ недостатка въ любовникахъ; и любовь знатнаго господина, хошя бы она продолжалась

только при дни, придаешь ей новую цѣну. Обожатели окружили меня, лишь только сдѣлалось извѣстно въ Мадридѣ, что Герцогъ меня оставилъ. Соперники, которыми я ему жертвовала, плененные прелестями моими болѣе, чѣмъ прежде, возвращались ко мнѣ толпами. Кромѣ ихъ было у меня еще множество вздыхателей. Никогда не бывала я въ такой модѣ. Изъ всѣхъ мужчинъ, которые искали моей благосклонности, показался мнѣ ревностнѣе прочихъ одинъ толстой Нѣмецъ, находившійся при Герцогѣ Оссунѣ. Онъ былъ не красавецъ; но

обратилъ на себя мое вниманіе пистоллями, которыхъ довольно накопилъ въ службѣ у своего господина, и которыя распочалъ для того, чтобы удостоиться попасть въ число счастливыхъ моихъ любовниковъ. Эстаго молодца звали Брушандорфомъ. Пока онъ тратилъ деньги, я принимала его благосклонно; когда же разорился, двери мои для него были запершы. Поступокъ мой ему не понравился. Онъ пришелъ искашь меня на театрѣ во время представленія комедіи. Я была за кулисами. Онъ вздумалъ дѣлать мнѣ упреки; я начала въ глаза ему смѣяться.

Онъ осердился и далъ мнѣ пощечину. Я подняла ужасной крикъ; прервала дѣйствіе; выбѣжала на сцену, и, обратясь къ Герцогу Оссунѣ, который былъ тогда въ театръ со своею супругою, жаловалась ему на грубой поступокъ его служителя. Герцогъ велѣлъ продолжать комедію, и сказалъ, что разберетъ насъ по окончаніи представленія. Когда комедія была сыграна, я подошла къ Герцогу въ чрезвычайномъ волненіи, и съ жаромъ объяснила ему мою жалобу. Что касается до Нѣмца, то онъ представилъ оправданіе свое въ двухъ словахъ, и именно,

что онъ не только не рас-
 каявается въ своемъ поступ-
 кѣ, но готовъ начать снова.
 Выслушавъ обѣ стороны, Гер-
 цогъ сказалъ Нѣмцу : „Бру-
 шандорфъ, я увольняю тебя
 отъ моей службы, и запре-
 щаю показываться ко мнѣ
 на глаза, не за то, что ты
 далъ пощечину актрисѣ, но
 что нарушилъ почтеніе пе-
 редъ твоимъ господиномъ и
 госпожею, осмѣлясь, въ при-
 сущствіи ихъ, помѣшать
 представленію.“—

„Этотъ приговоръ взбѣ-
 силъ меня. Мнѣ смертельно
 досадно было, что Нѣмца
 опсставили не за то, что
 онъ оскорбилъ меня. Я во-

ображала, что подобная обида, нанесенная актрисѣ, достойна была столь же строгаго наказанія, какъ и оскорбленіе Величества. Такое непріятное происшествіе вывело меня изъ заблужденія и научило, что люди не смѣшиваются актеровъ съ лицами, которыхъ они представляютъ. Тогда почувствовала я отвращеніе къ театру, и рѣшилась, оставивъ его, удалиться изъ Мадрида. Мѣстомъ убѣжища выбрала себѣ городъ Валенцію, и пріѣхала туда инкогнито съ двадцатью тысячами червонныхъ, частію въ наличныхъ деньгахъ, частію въ

дорогихъ камѣньяхъ; чего, я думала, слишкомъ довольно будетъ на остатокъ дней моихъ: ибо я намѣревалась вести жизнь уединенную. Наняла небольшой домикъ, и взяла къ себѣ въ услуженіе горничную и мальчика, которые столь же мало знали меня, какъ и весь городъ. Я назвалась вдовою одного офицера, и говорила, что пріѣхала жить въ Валенцію, наслышавшись, что это самое пріятное мѣсто во всей Испаніи. Я не заводила многихъ знакомствъ, и жила такъ скромно, что никто не могъ и подумать, чтобъ я была когда нибудь актри-

сой. Однакожь, какъ ни старалась скрыватьсья, обратила на себя взоры одного дворянина, который имѣлъ замокъ близъ Пашерны. Онъ былъ лѣтъ тридцати пяти, или сорока, недурень собою и по уши въ долгахъ; что не рѣдкость въ Валенціи, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ.“

„Этотъ господинъ Гидалго (*), полюбивъ меня, захотѣлъ еще узнать, выгодная ли я для него невѣста. Онъ освѣдомлялся обо мнѣ всѣми способами, и, къ удовольствію

(*) Гидалго, дворянинъ незначной фамиліи.

своему, извѣспился, что при недурной наружности, имѣю я порядочной достатокъ. Онъ заключилъ, что я гожусь для него, и скоро потомъ далъ мнѣ знать чрезъ одну услужливую старушку, что добродѣтель и красота моя такъ его плѣнили, что онъ предлагаетъ мнѣ свою руку, и готовъ идти со мною къ олтарю, если я хочу быть его женою. Я просила прехъдней на размышленіе. Между тѣмъ навѣдывалась сама объ немъ, и услышавъ, что всѣ его хвалятъ (хотя и не скрывали отъ меня состоянія дѣлъ его) рѣшилась за него выйти.“

„Донъ Мануэль де Ксерика
 (такъ звали моего мужа)
 топчасъ повезъ меня въ свой
 древній замокъ , которымъ
 онъ очень гордился : ибо у-
 шверждалъ , что замокъ сей
 построень однимъ изъ его
 предковъ , и выводилъ изъ
 того заключеніе , что во всей
 Испаніи нѣтъ фамиліи ста-
 рѣе фамиліи Ксериковъ. Но
 время уже гошвилось раз-
 рушить это прекрасное сви-
 дѣтельство благородства :
 замокъ , подпертый во мно-
 гихъ мѣстахъ , угрожалъ па-
 деніемъ. Какое счастье для
 Дона Мануэля , что онъ на
 мнѣ женился ! Болѣе полови-
 ны денегъ моихъ употребле-

но на исправленіе замка, а съ помощію остальныхъ мы въ состояніи были выдавать себя за знатныхъ особъ. Вотъ я, такъ сказать, въ новомъ свѣтѣ: сдѣлалась госпожею въ замкѣ, помѣщицею: какое превращеніе! Мнѣ, какъ искусной актрисѣ, ничего не стоило вести себя сообразно высокому моему званію. Я принимала на себя видъ важный, театраль- ный, такъ что заставила имѣть во всей деревнѣ высокое мнѣніе о моемъ родѣ. Какъ бы пошѣшились на мой счетъ, еслибъ узнали настоящее мое происхожденіе! Сколько язвительныхъ шутокъ

принуждена бы я была вынести опъ сосѣдственнаго дворянства, да и самые крестьяне поуменьшили бы свое ко мнѣ уваженіе.“

„Около шеспи лѣтъ жила я благополучно съ Дономъ Мануэлемъ. Онъ умеръ, оставивъ мнѣ запущанныя дѣла и сестру твою Беаприксу, которой было тогда чешыре года. Замокъ, единственное наше имущество, былъ по несчастію въ закладѣ у многихъ займодавцевъ, изъ которыхъ главный назывался Бернардъ Аспушо. Какъ прилично было ему такое имя! (*) Онъ былъ спряпчимъ

(*) Онъ былъ самый лукавый человекъ.

въ Валенціи, и исправлялъ свою должность, какъ чело-
вѣкъ самый свѣдущій въ судо-
производствѣ; онъ и учился
правамъ для того, чтобы
лучше кривить душою. Ужас-
ной займодавецъ! Замокъ въ
рукахъ подобнаго стряпчаго
есть тоже, что голубь въ
когтяхъ ястреба. Лишь поль-
во господинъ Аспуто узналъ
о смерти моего мужа, то
не замедлилъ сдѣлать фор-
мальный приступъ къ наше-
му замку. Конечно бы онъ
взорвалъ его на воздухъ под-
копомъ, какой готовили подья-
ческіе происки, еслибъ судь-
ба не помогла мнѣ: осаждаю-
щій сдѣлался моимъ неволь-

никомъ. При первомъ моемъ съ нимъ объясненіи по своимъ дѣламъ, я его плѣнила. Признаюсь, я ничего не щадила, чтобы внушить въ него любовь, и желаніе сохранить мое имѣніе заставило меня испытать надъ нимъ всѣ уловки, копорыя такъ часто мнѣ удавались. Со всемъ моимъ искусствомъ я боялась, чтобы спряпчій не ускользнулъ отъ меня: онъ столько думалъ о томъ, какъ бы вредить другимъ, что казалось, вовсе былъ неспособенъ къ любви. Однакожь, эшотъ лукавецъ, бумагома-ратель, смотрѣлъ на меня съ бѣльшимъ удовольствіемъ,

нежели я думала — „Сударыня, сказалъ онъ, мнѣ вовсе неизвѣстны уловки любовниковъ: занимаясь всегда своею должностію, я не имѣлъ времени научиться правиламъ и искусству любовныхъ изъясненій. Впрочемъ, сущность дѣла очень мнѣ извѣстна; и такъ скажу вамъ прямо, что если вы хотите выдти за меня замужъ, то мы сожжемъ всѣ докуменшы нашего процесса; я уничтожу требованія займодавцевъ, копорые согласились со мною лишишь васъ помѣстья вашего: вы будете пользоваться съ него доходами, и дочь ваша получишь его въ наслѣд-

ство.“— Польза Беатриксъ и моя собственная не позволяла мнѣ колебаться; я приняла предложеніе. Стряпчій сдержалъ слово: онъ обратилъ оружіе на прочихъ заимодавцевъ и утвердилъ за мною владѣніе замкомъ. Можешь быть, первый разъ въ жизни своей помогъ онъ вдовѣ и сиротѣ.“

„И шакъ, не переставая быть помѣщицей, я вышла за стряпчаго. Но эшотъ бракъ лишилъ меня многого во мнѣніи дворянства Валенціи. Знатныя дамы почитали меня лишенною благородства, не хотѣли болѣе со мною видѣться, и оставили мнѣ

знакомство съ одними мѣщанками. Сперва это было для меня нѣсколько досадно, потому что въ продолженіи шести лѣтъ привыкла я знаться съ благородными. Однакожь я скоро утѣшилась: вошла въ короткую связь съ супругами двухъ стряпчихъ и секретаря, пресмѣшными женщинами: глупые поступки ихъ очень забавляли меня. Онѣ имѣли высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи. Боже мой! говорила я иногда сама себѣ, слушая ихъ вздоры, вотъ каковъ свѣтъ! Всякой воображаетъ, что онъ лучше сосѣда. Я думала, что однѣ поль-

ко актрисы забывающъ, кто онъ въ самомъ дѣлѣ; но вижу, что и мѣщанки не разсудительнѣе. Я хотѣла бы, въ наказаніе, засшавишь ихъ держащъ въ домахъ своихъ портреты предковъ. Вѣрно не посшавили бы онъ ихъ на видномъ мѣстѣ.“

„Послѣ чешырехлѣшняго супружества, Бернардъ Асшупшо занемогъ и умеръ бездѣшенъ. Съ имѣніемъ, кошорое онъ, женясь на мнѣ, укрѣпилъ за мною, и съ шѣмъ досташкомъ, который былъ у меня прежде, я осталась богатою вдовою; да и подлинно прослыла такою. Молва сія была причиною, что

одинъ Сицилійской дворянинъ,
 по имени Колифишини, рѣ-
 шился свести со мною тѣс-
 ную связь, въ намѣреніи, или
 обобращъ меня, или на мнѣ
 жениться; но счелъ за луч-
 шее исполнить послѣднее.
 Онъ пріѣхалъ изъ Палермы
 посмолрѣть Испаніи; и удо-
 вольствовавъ свое любопыш-
 ство, ожидалъ въ Валенціи,
 по словамъ его, только слу-
 чая возвратишься въ Сици-
 лію. Ему не исполнилось еще
 и двадцати пяти лѣтъ отъ
 роду; онъ былъ пригожъ со-
 бою, хотя и малаго рослу;
 но мнѣ даже и талія его нра-
 вилась. Онъ нашелъ средство

поговоришь со мною наединѣ, и, признаюсь тебѣ чистосердечно, я влюбилась въ него смертельно при первомъ свиданіи. Плутишка, съ своей стороны, представился совершенно плѣненнымъ. Я думаю — прости Господи! — что мы топъ же часъ обвинчались бы, еслибъ недавняя еще смерть спряпчаго позволяла мнѣ возложить на себя такъ скоро новыя узы. Съ тѣхъ поръ, какъ полюбила я законные браки, стала во всякомъ случаѣ наблюдать приспойность. “

„И такъ мы согласились опложить свадьбу на нѣко-

торое время. Между тѣмъ
 Колифишини старался угож-
 дашь мнѣ, и любовь его не
 только не уменьшалась, но
 становилась день ото дня
 сильнѣе. Бѣдняжка не богатырь
 былъ деньгами. Я примѣтила
 это, и онъ не имѣлъ уже въ
 нихъ недостатка. Будучи по-
 чти вдвое старше его, я
 вспомнила, что въ молодос-
 тии моей собирала контрибу-
 цію съ мужчинъ, и щедрость
 мою въ настоящемъ случаѣ
 считала за нѣкоторое удо-
 влешвореніе, служившее къ
 успокоенію моей совѣсти. Со
 всевозможнымъ терпѣніемъ
 ожидали мы времени, когда

вдовамъ, не нарушая благо-
 приспойности, позволяется
 выходишь опять замужъ.
 Напоследокъ поклялись мы
 передъ олтаремъ въ вѣчной
 любви другъ къ другу, и у-
 далились въ мой замокъ, гдѣ,
 могу сказахъ, прожили два
 года не такъ какъ мужъ съ
 женою, но какъ нѣжные лю-
 бовники. Но, увы! благополу-
 чіе наше продолжалось не
 долго: любезный мой Коли-
 фишини умеръ отъ колотья!''

Тутъ остановилъ я мать
 мою, сказавъ:—Какъ, судары-
 ня, и прешій мужъ вашъ
 умеръ? Вы настоящій ангелъ
 смерти.—, Чшожь дѣлать!—
 отвѣчала она—могла ли я про-

должишь дни ихъ, изчисленные
 Небомъ? Виновата ли, что
 потеряла трехъ мужей? Двухъ
 изъ нихъ мнѣ было очень жаль;
 но менѣе всего посковала я о
 сшрапчемъ. Вышедши за не-
 го изъ корысши, легко утѣ-
 шилась въ моей потерѣ. Нѣ-
 сколько мѣсяцевъ спустя по-
 слѣ смерти Колифишини, я
 захотѣла сама осмотрѣть за-
 городной домъ близъ Палер-
 мы, копорый назначилъ онъ
 мнѣ, въ брачномъ договорѣ на-
 шемъ, если переживу его. Я
 поѣхала моремъ съ дочерью
 своею въ Сицилію; но на до-
 рогѣ мы были взяты въ плѣнъ
 кораблями Алжирскаго Паши.
 Насъ привезли сюда. Къ сча-

стію нашему, ты случился на площади, куда вывели насъ на продажу. Безъ того попались бы мы въ руки какого нибудь варвара, который поступалъ бы съ нами жестоко, и у котораго, можетъ быть, мы остались бы на всю жизнь въ неволѣ; а ты никогда бы объ насъ не услышалъ. “ —

Таково было, господа, повѣствованіе моей матери. — Я отвелъ ей самые лучшіе покои въ моемъ домѣ, съ пѣмъ, чтобы она жила тамъ, какъ ей угодно. Это было для нее весьма пріятно. Сдѣлавъ сильную привычку любить, она не могла обойтись безъ му-

жа, или безъ любовника. Сперва занялась было нѣкошорыми изъ моихъ невольниковъ; но Али Пегелинъ, Ренегатъ изъ Грековъ, кошорый приходилъ иногда ко мнѣ, привлекъ скоро все ея вниманіе. Она почувствовала къ нему такую пламенную любовь, какой никогда не имѣла и къ Колифишини, и владѣя совершенно искусствомъ нравиться, умѣла плѣнить и эшаго Ренегата. Я пришворился, будто не замѣчаю взаимной ихъ склонности: всѣ мысли мои были тогда заняты единственно возвращеніемъ въ Испанію. Паша позволилъ мнѣ воору-

жишь корабль для поисковъ и грабежей на морѣ. За недѣлю до окончанія вооруженія, сказалъ я Люциндѣ: „Сударыня, мы скоро отправляемся изъ Алжира; оставимъ это ненавистное для васъ мѣсто.“ —

Услышавъ сіе, мать моя поблѣднѣла, и не могла оповѣчать ни слова. Я крайне тому удивился. — „Что я вижу? — сказалъ я ей: отъ чего такое смущеніе, такой ужасъ? Кажется, я больше опечалилъ васъ, нежели порадовалъ. Признаюсь, я думалъ, что скажу вамъ пріятную вѣсть, объявивъ, что все гошово къ нашему отъѣзду.“

Развѣ вы уже не хотите
 возвратиться въ Испанію?—
 Да, любезный сынъ, не хочу.
 Въ опечесствѣ нашемъ пре-
 терпѣла я столько огорче-
 ній, что отказываюсь отъ
 него навѣки.—,Что слышу?—
 вскричалъ я съ горестью.
 Ахъ! скажите лучше, что
 васъ удерживаетъ здѣсь лю-
 бовь. Какая перемѣна! Когда
 вы пріѣхали сюда, все, что
 ни предсказывалось взору ва-
 шему, было для васъ нена-
 вистно; но Али Пегелинъ пе-
 ремѣнилъ расположеніе ва-
 шихъ мыслей.— Я не скры-
 ваю, что люблю этого Ре-
 негаша, и выбираю его себѣ
 четвертымъ мужемъ,—ошвѣ-

чала мать моя.— „Какое предпріятіе!—прервалъ я ужаснувшись—вы хотите выйти за Музульманина! Забываете, что вы Христіянка, или лучше сказать, вы были до сихъ поръ Христіянкой однимъ только именемъ. Ахъ! мамушка, что вы сказали? Вы рѣшаетесь погубить себя. Хотите сдѣлать добровольно то, что я сдѣлалъ только по необходимости.“—

Я увѣщевалъ ее долго; но всѣ увѣщанія мои были напрасны. Она твердо рѣшилась исполнить свое намѣреніе. Не довольно, что предавшись своей безразсудной

склонности, оставляла сына, она хотѣла увести съ собою Беатриксу; но я сему воспротавилъ. — „Ахъ, несчастная Люцинда! — сказалъ я ей, когда ничто не можетъ удержатъ васъ, предавайтесь по крайней мѣрѣ однѣ тому безумію, которое вами овладѣло; не вовлекайте молодой невинной дѣвушки въ ту пропасть, въ которую сами бросились спѣшите.“ — Люцинда удалилась, не сказавъ ни слова. Я подумалъ, что остатокъ разсудка въ ней подѣйствованъ, и запрещаетъ ей упорно требовать своей дочери. Какъ худо зналъ я мать свою! Два дни спустя,

Одинъ изъ моихъ невольни-
ковъ сказалъ мнѣ: „Береги-
тесь, сударь; я узналъ ошъ
Пегелинова невольника та-
кую шайну, которою вамъ
немедлѣнно воспользо^уваться
должно. Мать ваша перемѣ-
нила вѣру, и въ отпущеніе
вамъ за то, что вы не оп-
даете ей Беаприксы, хочеть
увѣдомить Пашу о вашемъ
побѣгѣ.“— Я нимало не со-
мнѣвался, чѣмъ Люцинда не
была въ состояніи испол-
нить того, о чемъ высказы-
валъ мнѣ невольникъ. Я и-
мѣлъ довольно времени вы-
знать ее, и замѣтилъ, что
она, представляя часто ужас-
ныя роли въ трагедіяхъ,

привыкла къ злодѣянїямъ; она охотно дала бы меня сжечь живаго, и думаю, смерть моя столь же бы мало ее тронула, какъ и печальная развязка театральнаго представленїя.

И такъ я не хотѣлъ пренебречь извѣстіемъ, сообщеннымъ мнѣ моимъ невольникомъ: поспѣшилъ вооружить судно. По обыкновенію Алжирскихъ разбойниковъ, выѣзжающихъ на промыселъ, я взялъ съ собою столько Турокъ, сколько нужно было чѣмъ бы не навлечь на себя подозрѣнїя, и, какъ можно скорѣе, вышелъ изъ гавани. Беашрикса и всѣ мои не-

вольники были со мною. Вы можете разсудить, что я не позабылъ также и моихъ денегъ и дорогихъ каменьевъ; все это составляло капиталъ тысячь на шесть червонныхъ. Лишь только вышли мы въ открытое море, то и начали управляться съ Турками. Мы безъ труда сковали ихъ, потому, что моихъ невольниковъ было гораздо болѣе. Въперъ былъ намъ самой попутной; въ короткое время достигли мы береговъ Италіи и благополучно вошли въ Ливорнскую гавань, куда, казалось, собрался изъ города весь народъ намъ навстрѣчу. Опецъ мо-

его Азарини, по случаю, или изъ любопытства, находился въ числѣ зрителей. Онъ прилѣжно всматривался во всѣхъ моихъ невольниковъ, когда выходили они на берегъ, и хощя искалъ между ними своего сына, но никакъ не воображалъ его увидѣшь. Съ какимъ восторгомъ обнимались они, узнавши другъ друга!

Лишь только Азарини объявилъ опцу своему, кпо я шаковъ, и что привело меня въ Ливорно, то старикъ упросилъ меня приспашъ у него въ домъ. Я умолчу обо всѣхъ обрядахъ, кои надлежало мнѣ исполнить для

вступленія снова въ число
 правовѣрныхъ; скажу только,
 что я опрелекъ отъ Маго-
 мешанства съ большею ис-
 кренностію, нежели его при-
 нялъ. Очистивъ себя совер-
 шенно отъ Алжирской про-
 казы, продалъ я свое судно
 и далъ свободу всѣмъ неволь-
 никамъ. Чпожь касается до
 Турокъ, они удержаны были
 въ Ливорнскихъ шемницахъ,
 для размѣна на Хриспіанъ.
 И старой и молодой Азари-
 ни обходились со мною, какъ
 не лъзя ласковѣе: старались
 всячески угождать мнѣ; сынъ
 женился даже на Беатриксѣ,
 кошорая, правду сказать,
 была для него не дурная не-

вѣста; дворянское званіе и помѣстье Ксерикъ, которое мать моя, при отъѣздѣ своемъ въ Сицилію, отдавала въ аренду одному богатому крестьянину изъ Патерны, дѣлали ее весьма выгодною для него паршіею.

Проживъ нѣсколько времени въ Ливорно, отправился я во Флоренцію, куда влекло меня одно только любопытство. Я поѣхалъ не безъ рекомендаціи. Старой Азарини, который имѣлъ знакомыхъ при Дворѣ Великаго Герцога, писалъ къ нимъ обо мнѣ, называя меня Испанскимъ дворяниномъ, и своимъ родственникомъ; а я прибавилъ

къ имени своему *Донъ*, по примѣру многихъ Испанцевъ — простолюдиновъ, которые, безъ зазрѣнія совѣсти, принимаяшъ это почетное шило въ своего опечесства. И такъ, не краснѣя, я заставилъ называть себя *Дономъ Рафаелемъ*, и имѣя сколько денегъ, что могъ поддерживать мое благородство, явился ко Двору въ полномъ блескѣ. Кавалеры, къ которымъ писалъ обо мнѣ спарой Азарини, разгласили, что я изъ знашной фамиліи, и, сколько по словамъ ихъ, сколько по принятому мною на себя виду, легко можно было почесать меня за важ-

ную особу. Я скоро познакомился съ знапнѣйшими вельможами. Они представили меня Великому Герцогу. Я имѣлъ счастіе удостоишься его благосклонности; началъ, сколько можно чаще, являться ко Двору и вывѣдывать нравъ Государя; вслушивался во все, что говорили ему опытные придворные, и изъ рѣчей ихъ узнавалъ его склонности. Между прочимъ замѣтилъ я, что онъ любилъ шушки, забавные рассказы, острые слова, и сообразно этому началъ вести себя. Всякое утро вносилъ въ памятную свою книжку анекдоты, копорыми намѣревал-

ся въ тотъ день его поза-
бавишь. Я зналъ ихъ вели-
кое множество, и имѣлъ, такъ
сказать, полной мѣшокъ въ
запасъ. Между тѣмъ, сколь-
ко ни наблюдалъ бережли-
вости, мѣшокъ мой мало по
малу опустѣлъ, такъ что я
долженъ бы былъ или по-
вторять старое, или дать
замѣнить, что совершенно
истощился въ разсказахъ,
еслибъ изобрѣшательный мой
геній не помогъ мнѣ въ этой
крайности. Я принялся со-
чинять любовныя и коми-
ческія повѣсти, которыя
очень забавляли Великаго Гер-
цога; и, какъ то случается
часто съ записными остро-

словами, вносилъ по утру
въ книжку свою все то,
что послѣ обѣда выдавалъ за
экспромтъ.

Я сдѣлался даже поэтомъ,
и посвящилъ мою Музу на
похвалы этому Государю.
Признаюсь чистосердечно,
что стихи мои были не хо-
роши, а потому ихъ никто
и не крипиковалъ; но, когда
бы они были и лучше, то
сомнѣваюсь, чтобъ Великой
Герцогъ принялъ ихъ съ боль-
шею благосклонностію. Онъ
былъ ими очень доволенъ:
можетъ быть содержаніе не
позволяло ему находить въ
нихъ недоспашковъ. Какъ бы
то ни было, я нечувствви-

шельнымъ образомъ вошелъ къ нему въ милость. Придворные сжали мнѣ завидовать. Они старались развѣдать, кто я таковъ: имъ удалось только узнать, что я былъ нѣкогда Ренегатомъ; они сказали о томъ Государю, надѣясь мнѣ повредить; но не успѣли и въ этомъ. Великой Герцогъ однажды велѣлъ мнѣ рассказать ему обстоятельно о моемъ путешествіи въ Алжиръ. Я повиновался; и мои приключенія чрезвычайно его развеселили.

„Донъ Рафаель — сказалъ онъ по окончаніи моей повѣсти—ты мнѣ понравился:

въ доказательство того ввѣ-
 ряю тебѣ мои тайны. Во
 первыхъ, скажу тебѣ, что я
 люблю жену одного изъ мо-
 ихъ Министровъ, прелест-
 нѣйшую и добродѣтельную-
 шую женщину. Удаляясь об-
 щества, и будучи привязана
 только къ своему, обожаю-
 щему ее мужу, она, кажется,
 и не знаетъ, въ какой славѣ
 красота ея во Флоренціи.
 Посуди же, какъ долженъ
 быть труденъ успѣхъ при
 такихъ обстоятельствахъ.
 Впрочемъ, эта недоступная
 для любовниковъ красавица
 слышала иногда мои вздохи.
 Я нашелъ случай говорить
 съ нею безъ свидѣтелей. Чу в-

ствованія мои ей извѣстны; не смѣю только ласкаться надеждою, что тронуль ея сердце; но я не опчаяваюсь достигнуть желаемой цѣли моимъ постоянствомъ и осторожнымъ, въ разсужденіи чесши ея, поведеніемъ.“

„Спрасъ моя къ этой дамѣ извѣстна только ей одной. Вмѣсто того, чтобы свободно слѣдовать моей склонности и прибѣгнуть къ власти, я скрываю ото всѣхъ любовь мою; не хочу оскорбить Маскарини (такъ зовутъ мужа ея): его усердіе ко мнѣ и привязанность, его заслуги и честность, все заставляешь меня поступать

съ великою осторожностію;
 не хочу поразить смертель-
 нымъ ударомъ несчастнаго
 мужа, объявивъ себя любов-
 никомъ жены его. Желалъ бы,
 чтобъ пламень, меня пожи-
 рающій, остался навсегда
 для него тайною: онъ умретъ
 съ печали, если узнаетъ то,
 что я теперь тебѣ ввѣряю.
 И такъ я долженъ скрывать
 мои поступки, и намѣренъ
 употребить тебя для объ-
 явленія Лукреціи, какихъ
 страданій стоить мнѣ при-
 нужденіе, которое самъ на
 себя налагаю. Ты будешь ис-
 толковашелемъ моихъ чув-
 ствованій. Надѣюсь, что ты
 съ успѣхомъ исполнишь такое

порученіе. Познакомься съ Маскарини: посшарайся снискать его дружбу; посѣщай домъ его чаще и найди случай переговорить съ его женою. Вотъ чего я отъ тебя ожидаю, и что ты, безъ сомнѣнія, исполнишь со всемъ искусствомъ и осмотрительностію, какихъ требуетъ столь щекотливое дѣло.“—

Я обѣщаль Великому Герцогу употребить всѣ съ моей стороны мѣры, чтобы оправдать лестное обо мнѣ его мнѣніе, и способствовать успѣхамъ любви его. Я скоро сдержалъ свое слово. Всячески стараясь подблизиться къ Маскарини, достигъ же-

лаемой цѣли. Маскарини, обрадовавшись, что любимецъ Государя ищетъ его дружбы, избавилъ меня большой повинности пруда. Домъ его сдѣлался для меня открытымъ; я получилъ свободный доступъ къ его супругѣ; и, смѣю сказать, велъ себя такъ осторожно, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія о порученномъ мнѣ дѣлѣ. Къ удивленію, будучи Итальянцемъ, онъ былъ не очень ревнивъ, и, полагаясь на добродѣтель своей Лукреціи, часто оставлялъ меня съ нею наединѣ. Я прямо приступилъ къ дѣлу и открылъ ей, съ какимъ намѣреніемъ и по

чьему приказанію вошелъ въ домъ ихъ. Она, казалось, не чувствовала никакой склонности къ Великому Герцогу; однако я примѣшилъ, что тщеславіе не позволяло ей опровергать вовсе его спра-
спи; она съ удовольствіемъ слушала о ней, но не хотѣла отвѣтствовать. При всемъ цѣломудріи своемъ, она была женщина; и я примѣшилъ, что добродѣтель ея нечувствительно уступала лестному воображенію видѣть своего Государя у себя въ оковахъ. Словомъ, Герцогъ имѣлъ причину ласкаться надеждою, что онъ, не употребляя насильства Тарквиніева,

тронешь сердце Лукреціи. Но случай, вовсе неожиданный, какъ вы шопчасъ услышите, разрушилъ его надежды.

Я всегда былъ смѣль въ обхожденіи съ женщинами, и эту, хорошую или дурную, привычку перенялъ у Турокъ. Лукреція была прекрасна. Я позабылъ обязанность посла, началъ говорить за себя и со всею возможною ловкостью предлагалъ ей мои услуги. Вмѣсто того, чтобы досадовать на мою дерзость, и опвѣчать съ сердцемъ, она сказала мнѣ улыбаясь: „Признайшесь, Донъ Рафаель, что Великой Герцогъ выбралъ себя вѣрнаго и усерднаго по-

средника : вы служите ему съ такимъ безкорыстіемъ , что нельзя довольно похвалишь васъ.“—Сударыня, отвѣчалъ я такимъ же тономъ, не будемъ входить въ подробности ; оставимъ разсужденія ; знаю , что онъ не могушъ клониться къ моей пользѣ, но я увлекаюсь моею склонностію. При томъ же вѣдь не я первый измѣняю своему Государю въ дѣлахъ любовныхъ: большіе господа часто находятъ въ Меркуріяхъ своихъ опасныхъ соперниковъ.—,Бышь можешъ, возразила она, но я сполько горда , что никто , кромѣ Государя, не долженъ надѣ-

япсья побѣдитъ меня. Помните эти мои слова — продолжала она, принявъ на себя важный видъ;—но пере-мѣнимъ разговоръ. Я забываю ваше предложеніе съ тѣмъ только условіемъ, что бы впередъ ничего подобнаго отъ васъ не слыхала; въ противномъ случаѣ, будете раскаяваться.“—

Хотя мнѣ и слѣдовало воспользоваться такимъ совѣтомъ; однакожь я не переставалъ швердить Маскариніевой женѣ о любви моей: приставалъ къ ней еще больше прежняго; съ жаромъ умолялъ отвѣчать моей нѣжності, и былъ даже столь-

ко дерзокъ, что покусился
 на нѣкоторыя вольности.
 Тутъ Лукреція, огорчившись
 моими словами и Музуль-
 манскими ухватами, начала
 бранить меня: грозила увѣ-
 домить Герцога о моемъ без-
 стыдствѣ, и просить его
 о наказаніи дерзкаго. Такія
 угрозы меня взбѣсили. Лю-
 бовь обратилась въ нена-
 висть; я рѣшился отомстить
 за оказанное мнѣ презрѣніе.
 Пошелъ къ мужу Лукреціи, и,
 взявъ напередъ съ него кля-
 шву, что онъ меня не вы-
 ведетъ, открылъ ему связь
 жены его съ Государемъ; а
 чтобъ еще сильнѣе возбу-
 дишь его гнѣвъ, представилъ

Лукрецію страстно влюблен-
 ною въ Герцога. Министръ,
 для предупрежденія непріят-
 ныхъ послѣдствій, не разо-
 бравъ хорошенько дѣла, заперъ
 супругу свою съ отдаленную
 комнату и приставилъ крѣп-
 кой карауль. Между тѣмъ,
 какъ неусыпные Аргусы
 окружали ее, и лишали вся-
 кой возможности дать о се-
 бѣ вѣсть Великому Герцогу,
 я съ печальнымъ видомъ
 объявилъ Его Свѣплости, что
 онъ не долженъ болѣе думать
 о Лукреціи: сказалъ ему, что
 судя по строгимъ мѣрамъ Ма-
 скарини, видно, что онъ обо
 всемъ провѣдалъ; что Лук-
 реція, можетъ быть, сама

во всемъ призналась мужу, и, согласясь съ нимъ, позволила держать себя взаперти, для избѣжанія опасности, угрожавшей ея цѣломудрію. Мое донесеніе весьма огорчило Герцога, а печаль его меня пронула, и я не одинъ разъ раскаявался въ моемъ поступкѣ; но уже было поздно. Впрочемъ, признаюсь чистосердечно, я чувствовалъ злобную радость, представляя себѣ состояніе, въ которое привелъ гордую красавицу, отвергнувшую мои предложенія.

Я спокойно наслаждался удовольствіемъ мщенія, которое пріятно всякому, а

особенно Испанцу, какъ однажды Великой Герцогъ, находясь вмѣстѣ съ пятью или шестью придворными и со мною, сказалъ намъ: „Какое наказаніе присудили бы вы человѣку, который употребилъ во зло довѣренность своего Государя, и хотѣлъ лишить его любовницы?“—Привязать за руки и за ноги къ чешыремъ лошадямъ, опвѣчать одинъ изъ придворныхъ, и разорвать такимъ образомъ на чешыре части—. Мнѣніе другаго было уморить преступника подъ палками. Третій изъ нихъ, болѣе сострадательный къ положенію виновнаго, сказалъ,

что довольно бы сбросить его съ высокой башни —, А Донъ Рафаель, подхвاطилъ Великой Герцогъ, какого объ этомъ мнѣнія. Я увѣренъ, что Испанцы въ подобныхъ случаяхъ не снисходительнѣе Итальянцевъ.“ —

Я понялъ ясно, что или Маскарини не сохранилъ клятвы, или жена его нашла средство увѣдомить Герцога о происходившемъ между ею и мною. На лицѣ моемъ изображалось смущеніе. Однакожь, при всемъ томъ, я оповѣчалъ Герцогу швердымъ голосомъ: „Государь! Испанцы гораздо великодушнѣе: они проспили бы виновнаго,

и этою милоспью возбудили бы въ немъ вѣчное раскаяніе.“—Хорошо, отвѣчалъ Государь, я въ сосшояніи оказашъ такое великодушіе: прощаю измѣнника. Правда, я самъ виноватъ, что удостоилъ довѣренности такого человека, котораго не зналъ, и на котораго имѣлъ причину не полагаться послѣ всего того, что мнѣ объ немъ сказывали. Донъ Рафаель, прибавилъ онъ, вотъ какъ хочу отомститьъ себѣ. Выѣзжай немедленно изъ моихъ владѣній, и никогда на глаза ко мнѣ не являйся.—Я потчасъ удалился, не столько печалась о моемъ несча-

стіи, сколько радуясь, что так дешево отдѣлался. На другой день сѣлъ я на корабль, отправлявшійся изъ Ливорно въ Барцелону.

Тутъ прервалъ я повѣствованіе Дона Рафаеля, сказавъ ему: „съ вашимъ умомъ вы сдѣлали, съ позволенія сказать, величайшую глупость: зачѣмъ не оставили Флоренціи вскорѣ потомъ, какъ увѣдомили Маскарини о любви Герцога къ Лукреціи? Легко было предвидѣть, что измѣна ваша не могла на долго утѣшиться отъ Государя.“—Я и самъ также думалъ, отвѣчалъ сынъ Люцинды; пощому то, не смо-

пря на увѣреніе Министра, располагался, какъ можно скорѣе, удалиться.

Я пріѣхалъ въ Барселону съ остатками имущества, которое привезъ изъ Алжира, и котораго большую часть прожилъ во Флоренціи, выдавая себя за Испанскаго дворянина. Я недолго оставался въ Каталоніи: мнѣ смертельно хотѣлось увидѣть Мадридъ, прелестное мѣсто моего рожденія; и я при первой возможности исполнилъ свое желаніе. Пріѣхавъ въ столицу, случайно нанялъ себѣ квартиру въ томъ же домѣ, въ которомъ жила одна дама, по имени

Камилла. Хотя она была уже и не такъ молода, однако имѣла много пріятностей: ссылаюсь на господина Жилблаза, кошорый видѣлъ ее въ Валладолидѣ почти въ то же время. Разумъ ея превосходилъ самую красоту; и я увѣренъ, что никакая плутовка не умѣла столь искусно водить простяковъ за носъ. Впрочемъ, она не походила на тѣхъ красавицъ, кошорыя сославляють себѣ капиталъ изъ благодарности своихъ любовниковъ. Если ей удавалось ощипать какого нибудь богача, то раздѣляла добычу съ первымъ удалъ-

цомъ, который казался ей по мыслямъ.

Мы полюбили другъ друга при первой встрѣчѣ, и сходство нашихъ склонностей соединило насъ такъ крѣпко, что имущество наше пошчасъ сдѣлалось между нами общимъ. Правду скажешь, оно было не велико, и мы прожили его въ короткое время. Къ несчастію, мы оба думали только о взаимной любви, ни мало не пользуясь искусствомъ нашимъ жить на счетъ ближняго. Наконецъ бѣдность пробудила наши дарованія, усыпленные удовольствиями любви.—, Любезный Рафаель,

сказала мнѣ Камилла , намъ
 надобно перемѣнить родъ
 жизни ; оставимъ взаимную
 вѣрность, кошорая насъ ра-
 зоряетъ. Ты можешь подцѣ-
 пить какую нибудь богашую
 вдову , а я стараго госпо-
 дина. Если мы продолжимъ
 наше посоянство , то вы-
 пусшимъ изъ рукъ два на-
 дежныя средства составить
 себѣ форшуну.“—Прекрасная
 Камилла , отвѣчалъ я, ты
 предупредила меня: я только
 что хотѣлъ сдѣлать тебѣ
 это же предложеніе; во всемъ
 согласенъ съ тобою. Для под-
 держанія нашего пламени, по-
 заботимся о пользахъ пріоб-
 рѣщенія. Невѣрность наша

другъ къ другу будетъ сильнѣйшимъ доказательствомъ взаимной между нами любви.

Условившись такимъ образомъ, мы выступили на поприще. При всѣхъ стараніяхъ нашихъ, не могли вдругъ попасть на то, чего искали. Камилла находила только педиметровъ, то есть, такихъ любовниковъ, у которыхъ не было ни копѣйки; а я, такихъ женщинъ, которыя любятъ лучше собирать подаши, нежели плашить ихъ. Не видя помощи отъ любви, принялись мы за плушны: надѣлали столько шалостей, что дошло объ нихъ до ушей Кор-

режидора. Онъ приказалъ одному изъ Алгвазиловъ своихъ взявъ насъ подъ стражу; но Алгвазилъ, будучи сколько же снисходителенъ, сколько строгъ Коррежидоръ, за небольшую сумму денегъ доставилъ намъ способъ выбраться изъ Мадрида. Мы направили путь къ Валладолиду, въ намѣреніи поселиться въ этомъ городѣ. Тамъ я нанялъ домъ вмѣстѣ съ Камиллою, кошую, для избѣжанія людскихъ пересудовъ, назвалъ сестрою. Мы не вдругъ принялись за свой промыселъ, а начали прежде вывѣдывать мѣстные обстоятельства.

Однажды на улицѣ подо-
 шелъ ко мнѣ человекъ, и,
 поклонясь весьма учтиво,
 сказалъ: „Господинъ Донъ Ра-
 фаель, узнаёте ли меня?“—
 Нѣтъ, отвѣчалъ я.— „А я
 шакъ очень васъ знаю. Я ви-
 далъ васъ при Дворѣ Тоскан-
 скомъ, когда еще служилъ въ
 Гвардіи Великаго Герцога.
 Нѣсколько мѣсяцовъ назадъ,
 я оставилъ службу, и прі-
 ѣхалъ въ Испанію съ однимъ
 изъ самыхъ умныхъ Итальянцевъ: не болѣе трехъ не-
 дѣль какъ мы въ Валладо-
 лидѣ. Съ нами живущъ еще
 двое, безъ сомнѣнія, честныхъ
 людей: одинъ родомъ изъ
 Каспилліи, другой изъ Га-

лиціи. Мы содержимъ себя
 трудами рукъ своихъ; ѣдимъ
 и пьемъ хорошо, веселимся,
 сколько душѣ угодно. Ежели
 хошите къ намъ присоеди-
 ниться, то мои товарищи
 примутъ васъ съ охотою;
 ибо вы всегда казались мнѣ че-
 ловѣкомъ благовоспитаннымъ,
 отъ природы не слишкомъ
 разборчивымъ и въ ремеслѣ
 нашемъ весьма свѣдущимъ.“—

Откровенность эшаго плу-
 та сдѣлала и меня чисто-
 сердечнымъ.— „Такъ какъ ты
 говоришь со мною безъ вся-
 каго припворства, сказалъ я
 ему, то заслуживаешь, чшобъ
 и я объяснился съ тобою въ
 томъ же тонѣ. Такъ точно,

ремесло ваше для меня не ново; и если бы скромность позволила мнѣ похвастаться моими подвигами, то вѣрно бы ты признался, что судилъ обо мнѣ еще не совсемъ выгодно; но—самохвальство въ сторону—скажу только, что принимаю твое предложение, и постараюсь всячески доказать, что я не недостойнъ быть членомъ вашего общества.“— Услышавъ мое согласіе, этотъ удалецъ повелъ меня къ своимъ товарищамъ, съ которыми я тотчасъ и познакомился. Тутъ увидѣлъ я въ первый разъ славнаго Амброзія де Ламелу. Они сдѣлали мнѣ

экзаменъ въ наукѣ присвои-
вашь чужое. Имъ хотѣлось
знать, имѣю ли я какія ни-
будь правила; но я показалъ
имъ приемы, даже имъ са-
мымъ неизвѣстные, копо-
рымъ они весьма дивились.
Они пришли еще въ большее
изумленіе, когда я сказалъ, что
презираю проворство рукъ,
какъ дѣло весьма обыкновен-
ное, а силенъ въ тѣхъ плуш-
няхъ, которыя пребудутъ по-
собію разума. Для удостовѣ-
ренія ихъ, я рассказалъ имъ
приключеніе съ Іеронимомъ
Моядасомъ; и изъ сего про-
сшаго повѣствованія возъ-
имѣли они объ умѣ моемъ
споль высокое мнѣніе, что

единогласно выбрали меня своимъ начальникомъ. Я оправдалъ ихъ выборъ безчисленнымъ множествомъ мошенничествъ, сдѣланныхъ единственно подъ моимъ руководствомъ. Когда намъ, при исполненіи нашихъ предпріятій, нужна была актриса, тогда употребляли мы Камиллу, которая представляла всякія роли чудеснымъ образомъ.

Около этого времени, собрату нашему Амброзію захотѣлось побывать на своей родинѣ. Онъ поѣхалъ въ Галицію, увѣривъ насъ, что непременно къ намъ возвратится. Возвращаясь черезъ

Бургось , въ надеждѣ чѣмъ
 нибудъ тамъ поживишся ,
 попалъ онъ , по рекомендаціи
 одного знакомаго пракшир-
 щика , въ услуженье къ го-
 сподину Жилблазу де Саншил-
 ланъ , узнавъ напередъ обо
 всѣхъ его обстоятельсвахъ
 отъ эшаго же пракширщика.

Господинъ Жилблазъ , про-
 должалъ Донъ Рафаель , обра-
 щаясь ко мнѣ , вы знаете ,
 какимъ образомъ лишили мы
 васъ чемодана въ Валладо-
 лидскомъ пракширѣ. Вы ко-
 нечно почли Амброзія глав-
 нымъ орудіемъ эшой покра-
 жи—и не ошиблись. Прі-
 ѣхавши вмѣстѣ съ вами въ
 Валладолидъ , явился онъ къ

намъ, разсказалъ, въ какомъ вы состояніи; а господа промышленники по этому и расположили свой планъ. Но вамъ неизвѣстны послѣдствія; вы ихъ услышите. Мы, то есть, Амброзій и я, унесли вашъ чемоданъ; сѣли оба на вашихъ муловъ, и пустились по Мадридской дорогѣ, не заботясь ни о Камиллѣ, ни о своихъ товарищахъ, которые, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и вы, удивились, не видя насъ на другой день.

По прошествіи сутокъ перемѣнили мы свое намѣреніе. вмѣсто того, чѣмъ бы хашъ въ Мадридъ, кошо-

рый оставилъ я не безъ причины, отправились мы чрезъ Цебреросъ въ Толедо. Первое попеченіе наше въ этомъ городѣ было одѣться, какъ можно, почище. Назвавшись двумя родными братьями изъ Галиціи, спрансывующими изъ любопытства, мы скоро познакомились съ многими очень порядочными людьми. Я такъ привыкъ представлять знашнаго господина, что никто не могъ подозревать меня въ обманѣ; а какъ всего легче ослѣпить большими издержками, то мы начали давать для дамъ щегольскіе праздники, и пустили пыль въ глаза цѣлому

городу. Одна изъ героинь нашихъ пронула мое сердце. Я находилъ ее гораздо пригожѣе и гораздо моложе Камиллы. Мнѣ захопѣлось узнать, кто она: я провѣдалъ, что ее зовутъ Віоланшою, что она за мужемъ за однимъ кавалеромъ, который, уже наскучивъ ея ласками, ищетъ благосклонностей другой красавицы. Эшаго для меня было довольно: я тотчасъ рѣшился сдѣлать Віоланшу обладательницею моего сердца.

Она скоро примѣшила свою побѣду. Я началъ повсюду за нею слѣдовать и дѣлать тому дураческіе для увѣре-

нія, что ничего столько не
желаю, какъ утѣшать ее въ
невѣрности мужа. Красавица
приняла это въ разсужденіе,
и я имѣлъ удовольствіе уви-
дѣть напоследокъ, что на-
мѣренія мои ей не прошив-
ны. Я получилъ отъ нее пись-
мецо въ отвѣтъ на многія
мои посланія, доставленные
ей чрезъ одну изъ тѣхъ спа-
рушекъ, которыя столь у-
служливы и въ Испаніи, и
въ Италіи. Она увѣдомляла
меня, что мужъ ея всякой
вечеръ ужинаетъ у своей лю-
бовницы, и возвращается до-
мой очень поздно. Я легко по-
нялъ, что это значить. Въ
ту же ночь пришелъ подъ

окна Віоланшы, и вступилъ съ нею въ самый нѣжный разговоръ. Разставаясь, мы условились видѣться всякую ночь въ такое же время.

Платоническая любовь была не по моему вкусу. Однажды пришелъ я подъ окна Віоланшы съ намѣреніемъ объявить ей, что не могу болѣе жить, если не увижусь съ нею наединѣ, и въ такомъ мѣстѣ, которое было бы удобнѣе для изъясненія пламенныхъ чувствъ моихъ; въ чемъ она доселѣ мнѣ отказывала. Подходя къ ея дому, увидѣлъ я на улицѣ человека, который, казалось, за мною присматривалъ. Это

былъ Донъ Балшазаръ, мужъ
ея. Онъ возвращался отъ
своей любовницы гораздо ра-
нѣе обыкновеннаго, и, при-
мѣшивъ подъ окнами мущи-
ну, вмѣсто того, чѣмъ вой-
ти въ домъ, прохаживался
по улицѣ. Я стоялъ нѣсколь-
ко времени въ недоумѣніи.
Наконецъ рѣшился подойти
къ Дону Балшазару. Мы не
знали другъ друга.—„Госпо-
динъ кавалеръ, сказалъ я ему,
оставьте меня здѣсь на эту
ночь одного: въ другой разъ
я сдѣлаю вамъ такую же
услугу.“— Государь мой, от-
вѣчалъ онъ, я хотѣлъ было
просить васъ о томъ же: я
влюбленъ въ одну дѣвушку,

которую брашъ ея держишъ
 взаперти, и которая живешъ
 шагахъ въ двадцати опсю-
 да. Желалъ бы я, чшобъ ни-
 кого не было на улицъ.—
 „Мы можемъ удовлетворишъ
 общее наше желаніе, не мѣ-
 шая другъ другу. Дама, ко-
 торую люблю — примолвилъ
 я, указывая на домъ его—
 живешъ здѣсь. Мы должны
 помогашъ одинъ другому, ко-
 гда нападущъ на котораго
 нибудь изъ насъ.“— Я согла-
 сень на это: пойду на на-
 значенное мнѣ для свиданія
 мѣсто; въ случаѣ нужды бу-
 демъ спояшъ другъ за дру-
 га.— Тущъ онъ оставилъ ме-
 ня, но для того только, чшобъ

лучше присмотрѣть за мною; темнота ночи позволяла ему это сдѣлать.

Что касается до меня, то, ничего не подозрѣвая, подошелъ я къ балкону Віоланты. Она скоро явилась, и мы начали разговаривать. Я умолялъ ее, чтобъ она назначила мнѣ свиданіе въ другомъ удобнѣйшемъ мѣстѣ. Сначала она нѣсколько пропиевилась, чтобъ увеличить цѣну согласія; потомъ вынула изъ кармана бумажку, и бросивъ ее ко мнѣ, сказала: „вы найдете путь обѣщаніе того, о чемъ мнѣ такъ долго докучаете.“—Послѣ того она удалилась, потому

что приближалось время, въ
 кошорое мужъ ея обыкновен-
 но возвращался домой. Я
 спряталъ бумажку, и пошелъ
 туда, гдѣ надобно было най-
 ти Дона Балтазара. Но онъ,
 примѣшивъ весьма ясно, что
 я цѣлю на его супругу, по-
 пался уже мнѣ на встрѣчу и
 спросилъ, доволенъ ли я сво-
 имъ счасіемъ?— „Не могу
 пожаловаться, отвѣчалъ я;
 а вы имѣете ли успѣхъ?“—
 Ахъ, нѣтъ! проклятый братъ
 моей красавицы возвратился
 изъ загороднаго дому, хотя
 мы ожидали его непреждезав-
 трешняго дня. Это лишило
 меня удовольствія ‘кошорымъ
 надѣялся насладиться.

Донъ Балпазаръ и я увѣ-
ряли другъ друга во взаим-
ной пріязни, и завтра же
обѣщались увидѣться на тор-
говой площади. Возвратив-
шись домой, онъ не показалъ
Віоланшѣ нималѣйшаго виду,
что узналъ о ея проказахъ.
На слѣдующій день явился
онъ на площадь немного
раньше меня. Мы привѣт-
ствовали другъ друга попрія-
тельски. Коварный Донъ
Балпазаръ разсказалъ мнѣ,
какъ будто за тайну, о не-
бывалой связи съ дамою, о
которой говорилъ онъ въ про-
шедшую ночь: сплелъ длин-
ную басню, только для то-
го, чтобъ заспавишь и меня

въ свою очередь открыть ему, какимъ образомъ познакомился я съ Віоланшою. Я дался ему въ обманъ, и выболшаль все на чистую: показаль даже ея записку, которая была слѣдующаго содержанія: „Завтра обѣдаю я у „Донны Инесы. Вы знаете, „гдѣ живетъ она. Въ домѣ „этой вѣрной пріятельницы „намѣрена я видѣться съ вами наединѣ. Не могу болѣе „ошказывать вамъ въ благо- „склонности, которой вы, ка- „жется, достойны.“—

„Это письмо, сказалъ Донъ Балшазаръ, обѣщаетъ награду любви вашей. Поздравляю напередъ съ ожидающимъ васъ

счастіемъ!“— Говоря сіе, онъ нѣсколько смутился; но могъ легко скрыть отъ меня изумленіе и досаду. Я былъ столько занятъ завтрашнимъ днемъ, что и не думалъ обращать вниманія на безпокойство мнимаго моего пріятеля; онъ однакожь скоро со мной простился, вѣроятно опасаясь, чтобъ я наконецъ не замѣшилъ его смущенія. Въ ту же минуту бросился онъ къ своему шурина, и разсказалъ ему обо всемъ. Не знаю, что между ними происходило; знаю только, что Донъ Балтазаръ спалъ спучающъ у воротъ Донны Инесы въ то самое

въ свою очередь открыть ему, какимъ образомъ познакомился я съ Віолантою. Я дался ему въ обманъ, и выболшаль все на чистю: показаль даже ея записку, которая была слѣдующаго содержания: „Завтра обѣдаю я у „Донны Инесы. Вы знаете, „гдѣ живеть она. Въ домѣ „этой вѣрной пріятельницы „намѣрена я видѣться съ вами наединѣ. Не могу болѣе „отказываешь вамъ въ благо- „склонности, которой вы, кажешся, достойны.“—

„Это письмо, сказалъ Донъ Балтазаръ, обѣщаетъ награду любви вашей. Поздравляю напередъ съ ожидающимъ васъ

счастіемъ!“— Говоря сіе, онъ нѣсколько смушился; но могъ легко скрыть отъ меня изумленіе и досаду. Я былъ столько занятъ завтрешнимъ днемъ, что и не думалъ обращать вниманія на безпокойство мнимаго моего пріятеля; онъ однакожь скоро со мной простился, вѣроятно опасаясь, чтобъ я наконецъ не замѣшилъ его смущенія. Въ ту же минуту бросился онъ къ своему шурину, и разсказалъ ему обо всемъ. Не знаю, что между ними происходило; знаю только, что Донъ Балпазаръ спалъ спучающъ у воротъ Донны Инесы въ то самое

время, какъ я былъ у нее съ Віоланшою. Я успѣлъ убраться изъ дому въ заднія двери прежде, нежели онъ вошелъ. Лишь только я скрылся, какъ дамы, смущенныя нечаяннымъ посѣщеніемъ такого гостя, ободрились и вспрѣшили его съ такимъ спокойнымъ видомъ, изъ котораго онъ заключилъ, что меня либо спрятали, либо совсемъ выпроводили изъ дому. Не могу однакожь сказать, что говорилъ онъ Доннѣ Инесѣ и женѣ своей: это не дошло до моего свѣденія.

Между тѣмъ, не подозрѣвая еще, чтобъ Донъ Балтазаръ меня обманывалъ, я

вышелъ, проклиная его, и
 возвратился на площадь, ку-
 да назначилъ придти Ламелъ;
 но не нашелъ его; онъ имѣлъ
 также свои дѣлишки, и былъ
 счастливѣе меня, Пока я
 ждалъ его, явился шуда въ-
 роломный мой пріятель. Онъ
 спросилъ меня, улыбаясь, объ
 успѣхѣ свиданія съ моею
 нимфою у Донны Инесы.
 „Не знаю, отвѣчалъ я, ка-
 кой демонъ, завидуя моимъ
 удовольствіямъ, старается
 имъ препятствовать. Въ то
 самое время, какъ остав-
 шись наединѣ съ красавицею,
 упрашивалъ я ее не откла-
 дывать далѣе моего счастья,
 мужъ ея—чтобъ дьяволъ его

побралъ!—началъ стучаться у
воротъ. Дѣлать нечего: я
вышелъ задними дверьми,
проклиная нарушителя моихъ
начинаній.“— Сердечно жа-
лѣю, сказалъ Донъ Балшазаръ
съ скрышною радостью, ви-
дя мою досаду. Вотъ самой
неугомонной мужъ! Совѣтую
вамъ не щадить его.—, О! я
послѣдую совѣту вашему, и
могу васъ увѣрить, что въ
нынѣшнюю же ночь сдѣлаю
его съ рогами. Жена его,
разсшаваясь со мною, сказа-
ла мнѣ, чѣмъ я не запруд-
нялся такою бездѣлицею;
чѣмъ непременно приходилъ
къ ней подъ окна, только
поранѣе обыкновеннаго; что

она рѣшилась впустить меня къ себѣ въ спальню; но чтобъ, на случай нападенія, взялъ я съ собою двухъ или трехъ пріятелей.“— Неизлишняя предосторожность! Я первый готовъ идти съ вами.— „Ахъ, любезный другъ! — вскричалъ я внѣ себя отъ радости, обнимая Дона Балпазара—вы меня совершенно обяжете!“— Я сдѣлаю еще болѣе. Мнѣ знакомъ одинъ молодой человѣкъ, настоящій Цезарь по своей храбрости; мы возьмемъ его съ собою; и тогда вы смѣло можете положиться на своихъ провожатыхъ.—

Я не находилъ словъ для изъявленія благодарности коварному моему другу за его ко мнѣ усердіе. Наконецъ принялъ предложенныя имъ услуги, и мы разстались съ уговоромъ собраться подъ балкономъ Віоланты при наступленіи ночи. Онъ пошелъ искать своего шурина (того самаго, котораго величалъ онъ Цезаремъ); а я до самаго вечера прогуливался съ Ламеллою, который хотя дивился ревности, съ какою Донъ Балшазаръ готовился служить мнѣ, но также нимало не подозрѣвалъ его. Такимъ образомъ попались мы въ сѣти. Признаюсь, такая оплош-

ность непростиштельна лю-
 дямъ нашего разбора. Въ на-
 значенное время, вооружен-
 ные шпагами, мы явились
 съ Амброзіемъ подъ окнами
 Віоланшы; тамъ нашли му-
 жа ея и еще одного человѣка:
 они ожидали насъ съ бод-
 рымъ духомъ. Донъ Балша-
 заръ, подойдя ко мнѣ и ука-
 зывая на своего шурина, ска-
 залъ: „Государь мой, вотъ
 тотъ кавалеръ, котораго
 храбрость я выхвалялъ вамъ.
 Извольте идти къ своей лю-
 безной, и наслаждайтесь въ
 полной мѣрѣ блаженствомъ,
 васъ ожидающимъ.“—

Послѣ нѣкоторыхъ съ обѣ-
 ихъ сторонъ учтивостей,

постучался я у дверей Виоланты. Старушка мнѣ отворила ихъ. Я вошелъ, и не примѣчая, что дѣлается позади меня, пробирался въ комнату своей красавицы. Не успѣлъ я еще окончить перваго моего ей привѣтствія, какъ оба измѣнника, вошедшіе за мною, вдругъ захлопнули двери, и ославя Амброзія на улицѣ, сказали, что они. Вы можете вообразить, что я принужденъ былъ выхватить шпагу. Они оба напали на меня въ одно время; но я защищался храбро, и такъ ловко управлялся съ обоими, что они, можетъ быть, раскаявались, что

не употребили надежнѣйшаго средства къ отмщенію. Наконецъ я прокололъ насквозь несчастнаго супруга; шуринъ, увидя его паденіе, бросился вонъ изъ дверей, которыя спаруха и Віоланша, убѣжавъ при началѣ сраженія, оставили незапворенными. Я погнался было за нимъ на улицу, но встрѣшилъ Ламелу, который, не могши добиться ни слова отъ бѣжавшихъ мимо его женщинъ, не зналъ, что подумашъ о слышанномъ имъ шумѣ. Мы возвратились въ пракширъ; забрали лучшія свои вещи, сѣли на муловъ, и до разсвѣта выѣхали изъ города.

Мы знали, что это дѣло можешъ имѣшъ худыя слѣдствія, и что въ Толедо непременно произойдушъ поиски; благоразуміе пребрало предупредитъ ихъ. Расположившись ночевашъ въ Вилларубіи, остановились мы въ пракширѣ, куда вскорѣ послѣ насъ прибылъ одинъ Толедской купецъ, ѣхавшій въ Сегорбію. Мы ужинали съ нимъ вмѣстѣ. Онъ разсказалъ намъ печальное происшествіе съ Віоланпинымъ мужемъ, нимало не подозрѣвая, что я былъ виновникомъ его смерти. И такъ мы смѣло дѣлали купцу разные вопросы. — „Господа, сказалъ

онъ намъ , при отъѣздѣ моемъ сего утра, узналъ я объ этомъ несчастномъ случаѣ. Віоланту искали вездѣ , и мнѣ сказывали , что Коррежидоръ, родственникъ Дону Балтазару, принялъ намѣреніе употребить всѣ мѣры къ отысканію виновниковъ убійства. Вотъ все, что мнѣ извѣстно.“—

Я не боялся поисковъ Толедскаго Коррежидора ; однакожь рѣшился поскорѣе убраться изъ Новой Каспилліи. Если сыщутъ Віоланту, думаю я , она во всемъ признается, и по описанію, которое сдѣлаетъ моей особѣ , Правительство не преми-

нѣшъ посласть за мной пого-
ню. Это было причиною, что
мы на другой же день, изъ
предосторожности, своро-
тили съ большой дороги въ
сплорону. По счастію, Ламе-
лъ знакомы были три че-
тверши Испаніи; онъ зналъ,
какими проселочными доро-
гами можно намъ безопасно
пробрашся въ Аррагонію.
Вмѣсто того, чѣмобъ ѣхать
прямо въ Куэнсу, повернули
мы въ горы, находящіяся
предъ симъ городомъ; и по
тропинкамъ, копорыя про-
воднику моему были извѣст-
ны, доспигли одной пещеры;
это была та самая, въ копо-
рой вчера укрылись вы отъ
бури.

Между тѣмъ, какъ я любовался прелестными окрестностями, товарищъ мой сказалъ мнѣ: „Лѣтъ шесть тому назадъ, я проходилъ чрезъ здѣшнѣе мѣсто. Эта пещера служила тогда убѣжищемъ старому пустыннику, копорый принялъ меня очень ласково и раздѣлилъ со мною убогую свою трапезу. Онъ показался мнѣ истинно святымъ человекомъ: слушая его поученія, чуть чуть было я не отрекся отъ міра. Можетъ быть, онъ еще живъ; пойду, провѣдаю объ немъ. Сказавши это, любопытный Амброзій соскочилъ съ лошади, и вошелъ въ пещеру.

Онъ возвратился чрезъ нѣ-
 сколько минутъ, и сказалъ
 мнѣ: „Поди сюда, Донъ Ра-
 фаель; вотъ самое прога-
 тельное зрѣлище!“— Привя-
 завъ муловъ къ дереву, по-
 шелъ я за Ламелою въ пе-
 щеру, гдѣ увидѣлъ лежащаго
 на одрѣ стараго пусшынни-
 ка, блѣднаго и умирающаго.
 Сѣдая и густая борода по-
 крывала грудь его; въ ру-
 кахъ держалъ онъ большія
 чопки. Шорохъ, произведен-
 ный нашимъ приходомъ, за-
 ставилъ его открыть глаза,
 которые смерть начинала
 уже смыкать. Посмотрѣвъ
 на насъ съ минутою, онъ ска-
 залъ: „Кто бы вы ни были,

„братія моя, воспользуйтесь
 „зрѣлищемъ, представляю-
 „щимся взору вашему. Я
 „прожилъ сорокъ лѣтъ по-
 „среди міра и шестъдесять
 „въ уединеніи. О! сколь дол-
 „гимъ кажется мнѣ въ сію
 „минушу время, проведенное
 „мною въ удовольствіяхъ, и
 „сколь крапкими, напрошивъ
 „того, лѣта, которыя по-
 „свящилъ я покаянію! Но ахъ!
 „я спрaшусь, что строгое
 „житіе брата Іоанна не до-
 „вольно еще очистило грѣхи
 „Лиценціада Дона Жуана де
 „Солиса.“ —

Едва успѣлъ онъ окончить
 слова сіи, какъ испустилъ
 духъ. Смерть его насъ по-

разила. Предметы такого
 рода производяшъ всегда нѣ-
 которое впечатлѣніе въ са-
 мыхъ величайшихъ беззакон-
 никахъ; но благочестивыя
 мысли остались въ насъ не
 надолго. Мы скоро забыли
 увѣщанія покойнаго, и нача-
 ли дѣлать осмотръ всему
 тому, что находилось въ пе-
 щерѣ. Это не стоило боль-
 шаго труда. Все движимое
 имѣніе состояло въ томъ,
 что вы тамъ видѣли. У
 брата Іоанна не было до-
 машнихъ уборовъ, и даже въ
 съѣстныхъ припасахъ ока-
 зался великой недоспашокъ.
 Мы не нашли ничего, кромѣ
 орѣховъ и засохшихъ корокъ

ячменнаго хлѣба, которыхъ свяшой мужъ не могъ, по видимому, разжевать своими деснами: говорю, деснами, ибо мы замѣтили, что у него не было уже ни одного зуба. Все, что заключало въ себѣ сіе пустынное жилище, все, что ни поподалось намъ на глаза, заставляло насъ почиташь святымъ добраго опшельника. Одно только намъ не полюбилось: мы развернули бумагу, сложенную на подобіе письма и оставленную имъ на столѣ, въ которой просилъ онъ того, кто ее прочтетъ, отнести чопки и сандалии его къ Куэнскому Епископу. Мы не знали, съ

какимъ намѣреніемъ пустынножишель желалъ сдѣлать сей даръ своему Епископу: это казалось намъ несообразнымъ опшельническому смиренію; ибо походило на то, что онъ хотѣлъ выдать себя за совершеннаго угодника.

Между тѣмъ, какъ мы о томъ разговаривали, Ламель пришла въ голову довольно забавная мысль. „Останемся, сказалъ онъ мнѣ, въ этой пустынѣ. Нарядимся пустынниками. Похоронимъ брата Іоанна. Ты будешь представлять его, а я, подъ именемъ брата Антонія, стану собирать милосшыню по окрестнымъ городамъ и деревнямъ.

Кромѣ того, что мы будемъ въ безопасности отъ Коррежидоровыхъ поисковъ (не думаю, чтобъ ему захотѣлось и здѣсь искать насъ) у меня въ Куэнсѣ много знакомыхъ, съ которыми мы можемъ имѣть сношеніе.“— Я одобрилъ эту спранныю выдумку не столько въ уваженіе причинъ, приведенныхъ Амброзіемъ, сколько для шутки, и какъ будто бы для представленія роли въ театраль-ной піесѣ. Мы вырыли могилу въ тридцати или сорока шагахъ отъ пещеры, и похоронили спараго пустынника, снявъ съ него одѣяніе, то есть, длинную рясу, ко-

шорая была подпоясана кожанымъ ремнемъ. Сверхъ того опрѣзали у него бороду, чтобъ сдѣлать изъ нее подложную; и наконецъ, послѣ погребенія, приняли пустыню въ свое владѣніе.

Въ первый день споль нашъ былъ слишкомъ умѣренъ; надлежало довольствоваться запасомъ покойнаго; но на утро, еще до зари, Ламела выступилъ въ походъ съ обоими мулами, для продажи ихъ въ Торальвѣ. Онъ возвратился вечеромъ, закупивъ множество съѣстныхъ припасовъ и другихъ вещей, необходимыхъ для новаго нашего кочюма. Товарищъ мой

сдѣлалъ себѣ рясу изъ толстаго сукна и рыжую бороду изъ лошадиныхъ волосъ, копорую такъ искусно подвязалъ къ ушамъ, что можно было почестъ ее за природную. Нѣтъ въ свѣтѣ чело-вѣка смышленіе его! Онъ также собралъ для меня на нитки сѣдую бороду брата Іоанна; сѣрая шерстяная шапка, безъ копорой никому я не показывался, совершенно скрывала ошю всѣхъ этошъ обманъ. Словомъ, ничего не было упущено къ нашему преобразованію. Нарядъ нашъ казался намъ столь забавнымъ, что мы не могли безъ смѣху взглянушъ другъ на

друга. Кромѣ ряссы брата
 Іоанна, присвоилъ я себѣ его
 чопки и сандаліи : мнѣ ни-
 сколько не совѣстно было
 лишить Куэнскаго Епископа
 эшаго наслѣдства.

Три дни пробыли мы въ
 пусшынѣ, не видавъ ни од-
 ного человека, а въ четвер-
 тый вошли въ пещеру два
 крестьянина. Они принесли
 хлѣба, сыру и луку для по-
 койнаго, котораго почидали
 еще въ живыхъ. Увидя ихъ,
 бросился я на кровать. Не
 трудно мнѣ было обмануть
 ихъ : кромѣ того, что по
 причинѣ темноты въ пеще-
 рѣ не могли они различить
 черты моего лица, я спа-

рался подражать голосу брата Іоанна, котораго слышалъ послѣднія слова. Они нимало не подозрѣвали обмана; удивлялись только, что нашли путь еще другаго пустынника; но Ламела, замѣтивъ ихъ изумленіе, сказалъ имъ съ прищворнымъ смиреніемъ: — „Не дивись, брашія, видя меня въ этомъ уединеніи. Я оставилъ пустыню, которая была у меня въ Аррагоніи, и пришелъ сюда жить вмѣстѣ съ почтеннымъ и смиреннымъ братомъ Іоанномъ, который, будучи въ глубокой сѣароспи, имѣетъ нужду въ пособіяхъ товарища.“ Крестьяне пре-

возносили похвалами христі-
янскую любовь Амброзія, и
изъявляли радость, что имѣ-
ють двухъ священныхъ мужей
въ своемъ окологдѣ.

Ламела, взявъ большую су-
му, которую также не по-
забылъ купить, пошелъ въ
первый разъ просить мило-
стыни въ городъ Куэнсу,
отстоящій на милю отъ пу-
стыни. При благочестивой
наружности, которою ода-
ренъ отъ природы, и при
совершенномъ искусствѣ поль-
зоваться счастливою своею
физиогноміею, онъ легко могъ
возбудить состраданіе въ на-
божныхъ людяхъ: отъ щед-
рыхъ подаяній ихъ сума его

скоро наполнилась.— „Господинъ Амброзій, сказалъ я по его возвращеніи, поздравляю тебя съ великимъ дарованіемъ смягчать хрисстіянскія души. Право! можно подумашь, что ты бывалъ братомъ—милоспынособирашателемъ у Капуциновъ.“— Это было еще не самое главное мое занятіе, отвѣчалъ онъ. Я отыскалъ прежнюю свою любовницу, по имени Барбу; нашелъ въ ней большую перемѣну: она вдалась, также какъ и мы, въ набожность; живетъ съ двумя или тремя другими богомолками, копорыя при людяхъ показываютъ собою примѣръ благочестія, а въ

тайнѣ ведутъ соблазнитель-
ную жизнь. Сперва она не
узнала меня.— Возможно ли,
сударыня, сказалъ я ей, чѣмъ
вы забыли одного изъ ста-
ринныхъ вашихъ пріятелей,
вашего покорнаго слугу Ам-
брозія?— По чести, госпо-
динъ Ламела, вскричала она, я
никакъ не ожидала увидѣть
васъ въ такомъ одѣяніи! По
какому случаю сдѣлались вы
пустынникомъ?— Объ этомъ
не могу теперь увѣдомишь
васъ, отвѣчалъ я; исторія
немного длинновата: завтра
вечеромъ приду удовлетво-
рить ваше любопытство, и
приведу еще съ собою брата
Іоанна, моего сотрудника.—

Брата Іоанна?—прервала она—эшаго благочесшиваго пустынника, копорый живешъ недалеко отъ города? Вы шушите! Говоряшъ, что ему уже болѣе ста лѣтъ.—Правда, ему было столько, но за нѣсколько дней онъ очень помолодѣлъ, и теперъ не старѣе меня.—Такъ приведите же его съ собою: я вижу, что тутъ кроется какая нибудь тайна.—

На другой день при наступленіи ночи пошли мы къ лицемѣркамъ, копорыя, желая угостить насъ, приготовили хорошій ужинъ. Мы пошчасъ сняли свои бороды, сбросили, пустынно-

скую одежду, и безъ даль-
нихъ околичностей сказали
имъ, что мы за люди. Онъ,
съ своей стороны, чтобъ оп-
лашить тою же откровен-
ностію, доказали намъ, къ
чему способны смиренницы,
когда переспаюмъ припво-
ряться. Почти всю ночь про-
вели мы за столомъ, и воз-
вратились въ нашу пещеру
за нѣсколько минушъ до раз-
свѣшу. Мы скоро опять на-
вѣспили нашихъ пріятель-
ницъ, или, лучше сказать,
ходили къ нимъ цѣлые три
мѣсяца, и промолвали съ ни-
ми болѣе двухъ претей изъ
нашихъ денегъ. Но одинъ за-
висшникъ, провѣдавъ о на-

шемъ сходбищѣ, объявилъ обо всемъ Полиціи, копорая сегодня намѣрена была захватить насъ въ пустынь. Вчера Амброзій, собирая милостыню въ Куэнсѣ, встрѣтилъ одну изъ нашихъ богомолкъ, копорая, отдавая ему записку, сказала: „Это письмо получила я отъ одной пріятельницы, и хотѣла отправить его къ вамъ съ нарочнымъ. Покажите его брату Іоанну, и примите свои мѣры.“— Эту самую записку отдалъ мнѣ при васъ Ламела; она - то принудила насъ такъ поспѣшно оставить пустынное наше жилище.

ГЛАВА II.

Огелѣ совѣтовались между собою Донѣ Рафаель и его слушатели; то случилось съ ними при выходѣ изъ лѣсу.

Когда Донѣ Рафаель окончилъ свою исторію, которая показалась мнѣ нѣсколько продолжительна, Донѣ Альфонсъ, изъ учтивости, сказалъ ему, что онъ слушалъ ее съ великимъ удовольствіемъ. Потомъ началъ говорить Амброзій, обращаясь къ своему сподвижнику. „Донѣ Рафаель, смотри, солнце уже заходитъ! Не худо бы, кажется, подумать о томъ, что намъ

дѣлашъ.“— Правда твоя, отвѣчалъ ему товарищъ: надобно назначишь мѣсто для нашего ночлега.—, „Что касается до меня, сказалъ Ламела, я совѣтовалъ бы пуститься въ путь, не теряя времени: ночью мы поспѣемъ въ Реквену, а завтра придемъ въ Валенцію, гдѣ и откроемъ наши поиски. Предчувствую, что тамъ ожидаетъ насъ хорошая добыча.“—Собратъ его, который почишалъ вѣрнымъ такое предчувствіе, согласился съ его мнѣніемъ. Донъ Альфонсъ и я, поручивъ себя руководству сихъ честныхъ особъ, ожидали окончанія совѣта, не говоря ни слова.

И такъ положено было на-
 править путь къ Реквенѣ.
 Мы начали готовиться къ
 походу; подкрѣпили силы свои
 тою же пищею, какъ и по-
 ушру, положили на лошадь
 флягу съ виномъ и оспаль-
 ные припасы; и по наступ-
 леніи темноты, которая бы-
 ла намъ столько нужна для
 безопаснаго путешествія, хо-
 тѣли выбраться изъ лѣсу,
 какъ увидѣли сквозь деревья
 свѣтъ, который причинилъ
 намъ великое безпокойство.—
 „Что это значитъ?—сказалъ
 Донъ Рафаель; не полицей-
 скіе ли служители изъ Ку-
 энсы, которые посланы за
 нами въ погоню, и которые,

пронюхавъ, что мы въ этомъ
 лѣсу, пришли перехватать
 насъ?— Не думаю, отвѣчалъ
 Амброзій; вѣрнѣе, что это
 путешественники заспигну-
 тые ночью. Но, прибавилъ
 онъ, я могу и обмануться;
 пойду, посмотрю, что тамъ
 такое. Вы трое останьтесь
 здѣсь; я ворочусь черезъ ми-
 нушу.—Сказавши это, идетъ
 онъ на свѣтъ, который былъ
 недалеко; подкрадывается
 тихонько; отводитъ выпь-
 ви, осматривается на всѣ
 стороны съ крайнею осто-
 рожностью, и наконецъ ви-
 дитъ четырехъ человекъ,
 сидящихъ на травѣ около
 вошкнутой въ землю свѣчи.

Они доѣдали пирогъ, и опоражнивали довольно большую флагу, передавая ее одинъ другому. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ примѣчаешъ онъ женщину и мужчину, привязанныхъ къ деревьямъ, а немного подалѣе, коляску съ двумя мулами подъ богатыми чепраками. Все показывало, что сидѣвшіе около огня люди были разбойники; разговоръ ихъ еще болѣе въ этомъ удостовѣрилъ. Всѣ они изъясняли равное желаніе обладать попавшеюся въ ихъ руки дамою, и уже готовились бросить жеребій, кому она достанется. Ламела, узнавъ о ихъ намѣреніи, воз-

вратился къ намъ , и обстоятельно пересказалъ , что видѣлъ и слышалъ.

„Господа , сказалъ Донъ Альфонсъ , дама и кавалеръ , привязанные разбойниками къ деревьямъ , можетъ быть , люди знатные. Не ужьли мы допустимъ ихъ сдѣлаться жертвами варварства и неистовой распри этихъ злодѣевъ? Нѣтъ: нападѣмъ на бездѣльниковъ ; не оставимъ живаго ни одного!“ — Согласенъ , отвѣчалъ Донъ Рафаель ; я столько же готовъ на доброе , какъ и на худое дѣло. Амброзій , съ своей стороны , также вызвался быть соучастникомъ въ похваль-

номъ предпріятіи, за испол-
неніе котораго, по его пред-
чувствію, должны мы были
получить славную награду.
Смѣю сказать, что и меня
въ семъ случаѣ опасность не
спрашила, и никакой спран-
спвующій рыцарь не вы-
ступалъ съ такимъ какъ я
жаромъ на защиту прелест-
наго пола. Правда, опасность
была не велика: ибо Ламела
увѣдомилъ насъ, что ружья
разбойниковъ, сложенные вмѣ-
стѣ, стояли осьмъ ихъ ша-
гахъ въ десяти или двѣнадца-
ти; слѣдственно намъ не
трудно было исполнить свое
намѣреніе. Привязавъ лошадь
нашу къ дереву, мы подо-

шли тихонько къ тому мѣ-
 спу, гдѣ сидѣли разбойники.
 Они разговаривали съ жа-
 ромъ, и дѣлали такой шумъ,
 что мы нечувствительно къ
 нимъ подѣрались; схватили
 ихъ ружья прежде, нежели
 они насъ увидѣли; потомъ,
 выстрѣливъ въ нихъ удачно,
 положили всѣхъ на мѣстѣ.

Между тѣмъ свѣча погас-
 ла, и мы оспались въ тем-
 нотѣ. Это однакожь не по-
 мѣшало намъ отвязать му-
 щину и женщину, которые
 такъ перепугались, что не
 въ состояніи были благода-
 рить насъ. Правда, они еще
 не знали, почишатъ ли насъ
 за избавителей, или за новыхъ

разбойниковъ, которые освободили ихъ не съ лучшимъ намѣреніемъ. Но мы успокоили ихъ обѣщаніемъ проводить до постоялаго двора, который, по увѣренію Амброзія, былъ опшуда съ полмили, и гдѣ могутъ они принявъ всѣ нужныя предосторожности для безопаснаго продолженія пути. Послѣ такого увѣренія, которыми, казалось, они были довольны, мы посадили ихъ въ коляску, и выпроводили изъ лѣсу, держа муловъ за поводъ. Потомъ пустынные наши, перешаривъ карманы побѣжденныхъ, сходили за лошадью Дона Альфонса. Мы взяли также и

разбойничьихъ лошадей, привязанныхъ къ деревьямъ близь мѣста сраженія, и поѣхали верхами за брашомъ Аншо-ніемъ, копорый правилъ мулами, заложенными въ коляску. Не прежде добрались мы до посшоялаго двора, какъ часа черезъ два, хотя Ламела и увѣрялъ, что онъ не далеко отъ лѣсу.

Мы послушались у ворошъ. Въ домъ всѣ уже спали. Хозяинъ и хозяйка потчасъ вскочили, и нимало не сердились на то, что потревожили ихъ госпи, которые, по мнѣнію ихъ, должны испрашивать у нихъ болѣе денегъ, чѣмъ оказалось въ по-

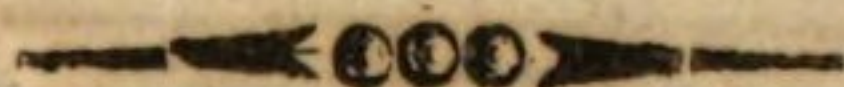
слѣдствіи. Весь пракширъ
 былъ освѣщенъ въ минушю.
 Донъ Альфонсъ и знамени-
 тый сынъ Люцинды пособи-
 ли кавалеру и дамѣ выдши
 изъ коляски, даже ввели ихъ
 подъ руки въ показанную
 хозяиномъ комнату. Тутъ
 начались съ обѣихъ сторонъ
 комплименты; и мы, къ ве-
 ликому нашему удивленію,
 услышали, что избавленные
 нами опъ разбойниковъ осо-
 бы были Графъ Поланъ и
 дочь его Серафина. Не лзя
 описать изумленія этой го-
 спожи и Дона Альфонса, ко-
 гда они узнали другъ друга.
 Графъ не замѣшилъ этого:
 онъ думалъ совсемъ о дру-

гомъ. Онъ принялся разска-
зывать, какимъ образомъ на-
пали на него разбойники, и
какъ взяли его съ дочерью,
убивъ прежде кучера, пажа
и камердинера; онъ заклю-
чилъ разсказъ свой сими
словами: „Очень чувствую,
господа, сколько я вамъ обя-
занъ! Если вы прїѣдете въ
Толедо, куда возвращусь я
черезъ мѣсяцъ, то увидите,
умѣю ли я быть благодар-
нымъ.“—

Дочь его не забыла также
поблагодарить насъ за сча-
сливое свое избавленіе; а
какъ Рафаель и я разсудили,
что сдѣлаемъ большое удо-
вольствіе Дону Альфонсу, до-

спавивъ ему случай погово-
ришь наединъ съ Серафиною,
то и заняли Графа Полана
своими разсказами.— „Пре-
красная Серафина—пихонько
сказалъ ей Донъ Альфонсъ—
я переспаю роптать на
судьбу, изгнавшую меня изъ
общества: я имѣлъ счастье со-
дѣйствовать шой важной у-
слугѣ, кошорая вамъ оказа-
на.“— Какъ!—опвѣчала она
со вздохомъ: — это вы спас-
ли и жизнь и честь мою!
Вамъ сполько обязаны отецъ
мой и я! Ахъ, Донъ Альфонсъ!
зачѣмъ убили вы моего
брата?— Она больше ниче-
го не сказала; но онъ по-
нялъ довольно изъ эшихъ

словъ, что любя спраспно
Серафину, былъ не менѣе лю-
бимъ и ею.

ЖИЛБЛАЗЪ
ДЕ
САНТИЛЛАНА.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

*Что сдѣлали Жилблазъ и
его товарищи, разстав-
шись съ Графомъ Пола-
номъ; важное предпріа-
тіе, предложенное Ам-
брозіемъ, и какимъ обра-
зомъ приведено оно въ
исполненіе.*

Графъ Поланъ, проведя по-
ловину ночи въ изъявленіи
своей признапельности и у-
вѣреніяхъ, что мы можемъ на-

дѣяться на его благодарность, призывалъ хозяина, чѣмъ по-совѣтоваться съ нимъ, какъ бы безопаснѣе доѣхать до Туриса, куда призывали его дѣла. Мы оставили Графа въ сихъ занятіяхъ; а сами выбрались изъ практира, и пустились въ путь, какой угодно было выбрать Ламель.

Мы ѣхали около двухъ часовъ; а какъ, приближаясь къ Кампилло, увидѣли, что начинало уже свѣтать, то немедленно поворошили въ горы, находящіяся между симъ селеніемъ и Реквеною. Тамъ цѣлой день провели мы въ ошдыхѣ, и сосчитали нашу

казну, которая весьма увели-
чилась взятыми у разбойни-
ковъ деньгами: въ карманахъ
ихъ нашлось болѣе трехъ
сотъ пистолей. При наступ-
леніи ночи снова пустились
въ походъ, и на другой день
по утру прибыли въ Коро-
левство Валенцію. Мы въѣ-
хали въ первой лѣсъ, кошо-
рый намъ на глаза попался,
и углубляясь въ него далѣе
и далѣе, достигли наконецъ
одного мѣста, гдѣ проше-
калъ самый чистый ручеекъ,
тихо пробирающійся къ во-
дамъ Гвадалквивира. Деревья,
манившія насъ подъ тѣнь
свою, и сочная трава для
лошадей, все невольнымъ об-

разомъ заставило насъ тамъ
остановиться.

Здѣсь располагались мы
провесши день самымъ прі-
ятнымъ образомъ; но когда
хотѣли завтракать, увидѣ-
ли, что у насъ весьма уже
мало съѣстныхъ припасовъ.
Начало недоставать хлѣба,
а фляга наша сдѣлалась тѣ-
ломъ безъ души. — „Господа,
сказалъ намъ Амброзій, самыя
прелестныя мѣста для меня
ничто безъ Бахуса и Цереры.
Надобно позаботиться боль-
ше всего объ этомъ. Я по-
ѣду въ городъ Ксельву, до
копорого отсюда не болѣе
двухъ миль, и щощасъ буду
назадъ.“ — Сказавши это, поло-

жилъ онъ на лошади суму съ флягою, и поскакалъ къ лѣсу съ такою скоростію, что мы надѣялись немедленно опять его увидѣть.

Однакожь онъ возвратился не такъ скоро, какъ обѣщалъ. Прошло болѣе половины дня; ночь начинала уже покрывать деревья черными своими крылами, какъ увидѣли мы нашего закупщика, медлѣнность котораго начала насъ беспокоить. Покупка его превзошла наше чаяніе. Онъ привезъ съ собою не только полную флягу съ превосходнымъ виномъ, суму, набитую хлѣбомъ и жареною дичиной; но на лошади

лежала еще большая связка
съ плащѣмъ. Примѣтя наше
удивленіе, онъ сказалъ намъ,
улыбаясь: „посмотрю, уга-
даетъ ли со всею своею про-
ницательностью Донъ Ра-
фаель, для чего купилъ я
это плащѣ и еще кое-что.“—
При сихъ словахъ развязалъ
онъ узелъ, чѣмъ показавъ
намъ каждую вещь особо.
Онъ вынулъ предлинную чер-
ную епанчу и два кафтана
съ нижнимъ плащѣмъ, чер-
нильницу съ приборомъ, десѣть
бѣлой бумаги, висячій за-
мокъ, большую печатъ и нѣ-
сколько зеленаго воску. Тогда
Донъ Рафаель сказалъ ему
смѣючись: „Ну, господинъ

Амброзій, много закупили вы хорошихъ вещей! Смѣю спросить, какое употребленіе изъ всего эшаго сдѣлаете?—Удивительное, отвѣчалъ Ламела. За все это заплапиль я только десятиль пистолей, а увѣренъ, что посредствомъ сихъ вещей пріобрѣтемъ больше паша сошь; путь нѣтъ никакого сомнѣнія. Я не такой человекъ, который бы захопѣлъ обременять себя ненужными бездѣлками; а чпобъ доказать вамъ, чшо все это закупиль я съ расчешомъ, сообщу вамъ мое намѣреніе.

Запасшись хлѣбомъ — продолжалъ онъ — пришелъ я къ

одному харчевнику, и велѣлъ изжарить полдюжины куро-пашокъ, да сполько же цыплятъ и кроликовъ. Между тѣмъ, какъ ихъ приготавли-ли, вошелъ какой-то серди-той человѣкъ. „Клянусь Св. Іаковомъ — сказалъ онъ хар-чевнику, горько жалуясь на одного купца — что Самуель Симонъ настоящій бездѣль-никъ! Онъ при всѣхъ осра-милъ меня въ своей лавкѣ. Старой скряга не хотѣлъ повѣрить мнѣ въ долгъ ше-сти аршинъ сукна, зная ме-ня не иначе, какъ за масте-роваго, который въ состояніи заплашишь и который не введешь его въ убытокъ.

Не странное ли онъ живошное: охотно продаетъ въ долгъ знатнымъ господамъ, и любитъ лучше потерпѣть отъ нихъ убытокъ, нежели одолжить честнаго гражданина безъ всякой для себя пошери? Какое безуміе! проклятой Жидъ! О! какъ бы я желалъ, чтобъ кто нибудь поддѣлъ его добрымъ порядкомъ! Я увѣренъ, что желаніе мое, рано или поздно, исполнится. Многіе вмѣстѣ со мною тому порадуются!“—

Слушая мастерового, который наговорилъ много кое-чего и другаго, получилъ я какое-то предчувствіе, что могу обмануть эшаго Саму-

еля Симона.— Другъ мой, сказалъ я мастеровому, что это за человекъ, который тебя обидѣлъ? Какой онъ имѣетъ характеръ?— „Самой скверной, отвѣчалъ тотъ: онъ самой подлой ростовщикъ, хотя и принимаетъ на себя видъ честнаго человека. Это Жидъ, сдѣлавшійся Каполикомъ; но въ сердцѣ своемъ все еще не лучше Пилата: ибо, говоря, что онъ опрекся отъ своего закона изъ одной корысти.“

Я выслушалъ мастерового со вниманіемъ, и, по выходѣ изъ харчевни, не преминулъ осведомиться, гдѣ живетъ Самуель Симонъ. Мнѣ

показываютъ домъ его; я
 окидываю глазами его лав-
 ку; ничто не укрылось отъ
 моего вниманія; и воображе-
 ніе мое, всегда готовое мнѣ
 повиноваться, тотчасъ ри-
 суетъ планъ, который, по
 разсмотрѣніи, оказался до-
 стойнымъ слуги господина
 Жилблаза. Я бѣгу въ ветош-
 ной рядъ, покупаю это плашье:
 епанчу для Инквизишора,
 одинъ кафтанъ для писаря,
 а другой для Алгвазила.—

„Ахъ, любезный Амброзій—
 прервалъ Донъ Рафаель съ
 восторгомъ — какая удиви-
 тельная выдумка! Какой пре-
 красной планъ! Мнѣ завиденъ
 твой вымыселъ. Я охотно

уступилъ бы славнѣйшія изъ
дѣлъ моихъ за такое сча-
сливое изобрѣшеніе. Такъ,
Ламела, вижу всю пользу
твоего предпріятія. О ис-
полненіи его не безпокойся.
Тебѣ нужны только два доб-
рые помощника: они гото-
вы. У тебя видъ набожный;
ты очень хорошо предста-
вишь Инквизишора, я писа-
ря, а господинъ Жилблазъ,
если ему угодно, будетъ Алгва-
зилломъ. Теперь роли назначе-
ны; завтра сыиграемъ комедію,
а за успѣхъ я отвѣчаю, лишь
только бы не встрѣтилось
какое нибудь препятствіе,
отъ котораго разрушаются
и самые лучшіе планы.“—

Я не совсемъ еще понималъ намѣреніе, копорымъ восхищался Донъ Рафаель; но за ужиномъ все объяснилось, и выдумка показалась мнѣ остроумною. Убравъ часть дичины, и довольно пооблегчивъ нашу флягу, легли мы на правѣ и скоро заснули. „Вставайте, вставайте!— закричалъ Амброзій на разсвѣтъ. Люди, копорымъ предстоитъ исполненіе важнаго предпріятія, не должны быть лѣнны.“— Охъ! господинъ Инквизишоръ, сказалъ Донъ Рафаель просыпаясь, вы очень дѣятельны: это не хорошій признакъ для Самуеля Симона.— „Я со-

гласенъ, подхватилъ Ламела; и скажу болѣе, примолвилъ онъ смѣючись: мнѣ приснилось, будто я рвалъ у него изъ бороды волосы. Не правда ли, господинъ писарь, что это худой для него сонъ?— За сею шуткою послѣдовали еще многія другія, копорыя всѣхъ насъ развеселили. Позавтракавъ въ такомъ расположеніи духа, готовились мы играть свои роли. Амброзіи надѣлъ епанчу и сдѣлался совершенно похожимъ на Члена Святой Инквизиціи. И мы съ Дономъ Рафаелемъ нарядились шакъ, что не дурно могли представить писаря и Алгвазила. Пере-

одѣванье наше продолжалось довольно долго, и уже было болѣе двухъ часовъ за полдень, какъ поѣхали мы изъ лѣсу въ Ксельву. Правда, шоропиться намъ было не для чего: начало комедіи назначено было не прежде наступленія ночи. И такъ ѣхали мы тихо, и остановились у городскихъ воротъ въ ожиданіи вечера.

Лишь только смерклось, мы оставили лошадей своихъ подъ присмотромъ Дона Альфонса, который былъ очень доволенъ, что ему не досталось никакой роли. Донъ Рафаель, Амброзій и я, пошли сперва не къ Самуелю

Симону, а къ погребщику, жившему недалеко отъ его дому. Господинъ Инквизишоръ вошелъ напередъ и сказалъ погребщику съ важностью: „Господинъ хозяинъ, мнѣ надобно поговорить съ тобою наединѣ.“ — Хозяинъ ввелъ насъ въ особую комнату, гдѣ Ламела, видя его одного съ нами, объявилъ ему, что онъ Членъ Святой Инквизиціи, и пришелъ по весьма важному дѣлу. При сихъ словахъ, погребщикъ поблѣднѣлъ и ошвѣчалъ дрожащимъ голосомъ, что онъ не подалъ причины Инквизиціи бытъ имъ недовольною. — „Да она и не думаетъ превозмощъ

тебя, сказалъ Амброзій съ
тихостью. Боже сохрани,
чтобъ она смѣшала преступ-
леніе съ невинностью! Она
строга, однако всегда спра-
ведлива: словомъ, чтобъ под-
вергнуться ея наказанію, на-
добно заслужить его. И такъ
я не для тебя пріѣхалъ въ
Ксельву, а по дѣлу одного
купца, котораго зовутъ Са-
муелемъ Симономъ. Намъ о-
писали его весьма съ худой
сторонѣ. Онъ, говоряшъ, все
еще Жидъ въ душѣ своей, и
принялъ Христіянскую вѣ-
ру единственно изъ коры-
столюбія. Именемъ Инквизи-
ціи повелѣваю тебѣ объ-
явить мнѣ все, что знаешь

объ эшомъ чловѣкѣ! Берегись
извиняишь его, какъ сосѣда,
и, можешъ бышь, какъ прі-
ятеля своего. Я объявляю
тебѣ, что если замѣчу въ
свидѣтельствѣ твоемъ хо-
тя малѣйшее пристрастіе,
то бѣда тебѣ! Писарь, про-
должалъ онъ, оборотясь къ
Рафаелю, исполняй свою
должностъ!“

Господинъ писарь, копо-
рый держалъ уже въ рукахъ
бумагу и чернильницу, сѣлъ
за столъ, и приготовился,
съ самымъ важнымъ видомъ,
писать показаніе хозяина,
который, съ своей стороны,
клялся, что не упайтъ ни-
чего.— „Когда такъ, сказалъ

Инквизиторъ, намъ остается
 теперь приступишь къ
 дѣлу. Отвѣчай только на
 мои вопросы; я большаго не
 требую. Часто ли ты ви-
 далъ Самуеля Симона въ цер-
 кви? — Я этого не замѣчалъ,
 отвѣчалъ погребщикъ; не при-
 помню, чѣмъ видалъ его
 при службѣ Божіей. — „Хо-
 рошо, вскричалъ Инквизи-
 торъ, пиши, что никогда
 его не видно въ церкви.“ — Я
 не то говорю, господинъ
 Инквизиторъ: я говорю толь-
 ко, что не видалъ его тамъ.
 Онъ могъ быть въ церкви,
 такъ какъ и я, да я его не
 замѣшилъ. — „Другъ мой, ты
 забылъ, что не должно въ

показаніи швоемъ извиняшъ
 Самуеля Симона; тебѣ ска-
 зано о худыхъ опѣ того
 послѣдствіяхъ. Ты долженъ
 говоришъ только прошивъ
 него, а за него ни слова.“—
 Если такъ, господинъ Ли-
 ценціанъ, то вамъ немного
 пользы въ моемъ допросѣ. Я
 не корешко знаю эшаго куп-
 ца, и не могу сказать объ
 немъ ни добра, ни худа. Ко-
 гда вамъ угодно освѣдомишъ-
 ся о домашней его жизни,
 то я позову сюда Гаспара,
 его сидѣльца; извольте его
 допрашивашъ. Этомъ моло-
 децъ приходишъ иногда ко
 мнѣ повеселишъ съ своими
 пріятелями. Онъ очень сло-

воохопенъ: опишетъ вамъ всю жизнь своего хозяина, и, увѣряю васъ, что вашъ писарь не останется безъ дѣла.—

„Откровенность твоя очень похвальна, сказалъ Амброзій: представляя намъ человека, которому извѣстенъ нравъ Симона, ты доказываешь усердіе свое къ Святой Инквизиціи. Я донесу о томъ начальству. И такъ поди, продолжалъ онъ, приведи сюда поскорѣе Гаспара; но будь остороженъ: чтобъ хозяинъ его не провѣдалъ, что здѣсь дѣлается.“ — Погребщикъ исполнилъ порученіе и тайно, и скоро: привелъ сидѣльца.

Это былъ въ самомъ дѣлѣ
 превеликой болшунъ.— „Здо-
 рово, дружокъ, сказалъ ему
 Ламела; ты видишь предъ
 собою Инквизитора, желаю-
 щаго навѣдаться о Самуелѣ
 Симонѣ, котораго обвиняюшъ
 въ Жидовской ереси. Ты жи-
 вешь у него, слѣдовательно
 бываешь свидѣтелемъ всѣхъ
 его поступковъ. Я не счи-
 таю за нужное предувѣдом-
 лять тебя, что ты обязанъ
 объявить все, что объ немъ
 знаешь, когда приказываю
 тебѣ именемъ Святой Ин-
 кизиціи.“— Господинъ Ли-
 ценціатъ, опвѣчалъ сидѣлецъ,
 я готовъ повиноваться вамъ,
 хотя бы вы и не повелѣвали

именемъ Святаго Суда. Если бы спали спрашивать хозяина моего обо мнѣ, я увѣренъ, что онъ не пощадишь меня; такъ и я его щадишь не намѣренъ, и донесу вамъ вопервыхъ, что онъ самой хищрой человѣкъ, въ душу котораго невозможно проникнуть; человѣкъ, который носишь личину святаго, а въ сердцѣ не имѣешь ни пѣни добродѣтели. Каждый вечеръ ходишь къ одной молодой женщинѣ, Какъ я радъ, что узналъ объ этомъ! — прервалъ Амброзій — изъ словъ твоихъ видно, что онъ человѣкъ худой нравственности. Но отвѣчай въ

точности на всѣ мои во-
 просы: мнѣ особенно поруче-
 но навѣдаться, какъ онъ ис-
 повѣдуетъ нашу вѣру. Ска-
 жи мнѣ, ѣдите ли вы сви-
 нину?“— Я думаю, что мы
 не ѣли ее и двухъ разъ, хо-
 тя уже съ годъ, какъ я живу у
 него.— „Очень хорошо: пи-
 сарь, замѣть, что въ домѣ
 Самуеля Симона совсемъ не
 ѣдятъ свинины. За то вы
 ѣдите конечно иногда бара-
 нину?“— Да, иногда; мы ѣли ее,
 напимѣрь, въ прошедшій
 праздникъ Пасхи.— „Очень
 кспаша! Писарь, пиши, что
 Симонъ наблюдаетъ Жидов-
 скую Пасху. Дѣло идетъ
 наилучшимъ образомъ! Мнѣ

кажется, мы получили вѣрныя свѣденія.“—

„Скажи мнѣ еще, другъ мой, продолжалъ Ламела, не заманиваете ли къ себѣ швой хозяинъ ребяпишекъ?“—Какъ же!—отвѣчалъ Гаспаръ. Когда случится идти мимо нашей лавки какимъ нибудь пригоженькимъ малюшкамъ, то онъ останавливаетъ ихъ и ласкаетъ.— „Писаръ, пиши, что на Самуеля Симона падаетъ явное подозрѣніе въ томъ, что онъ приманиваетъ къ себѣ христіянскихъ дѣшей въ намѣреніи послѣ умертвить ихъ. Хорошъ новообращенный! О! о! господинъ Симонъ, ты не избѣ-

жишь Святаго Суда ; не думай , чшобъ онъ оставилъ тебя безъ наказанія за твое варварское жертвоприношеніе! Продолжай, ревностный Гаспаръ: не скрывай ничего; этошъ ложный Каполикъ нынѣ еще болѣе держится обычаевъ и обрядовъ Жидовскихъ. Не правда ли, что онъ одинъ день въ недѣлѣ совсемъ ничего не дѣлаешъ?— Нѣшъ, я эшаго не примѣшилъ; а вижу только, что онъ въ нѣкоторые дни запирается въ своей комнашѣ, и бываешъ тамъ одинъ весьма долго...—, То-то и есть: онъ субботаствуешъ, или я не Инквизиторъ! Замѣшъ, пи-

сарь, замѣшь, что онъ обыкновенно постился въ субботу. Ахъ, проклятой человѣкъ!... Мнѣ остается спросить еще объ одномъ. Не говоришь ли онъ иногда о Іерусалимѣ? — Очень часто: онъ намъ рассказываетъ исторію о Жидяхъ и о томъ, какимъ образомъ разоренъ былъ Храмъ Іерусалимской. —, Славно, славно! Не забудь эшаго, писарь; напиши большими словами, что Самуель Симонъ всею душою желаетъ возобновленія Храма; что денно и нощно думаетъ только о соединеніи и возстановленіи Іудейскаго народа. Ничего болѣе знать не хочу, и даль-

нѣйшихъ допросовъ не нужно. Чѣмъ сжечь все Жидовское племя довольно и сихъ показаній правдолюбиваго Гаспара.“

Господинъ Инквизиторъ, допросивъ такимъ образомъ сидѣльца, отпустилъ его; но именемъ Святой Инквизиціи запретилъ сказывать хозяину о происходившемъ. Гаспаръ обѣщалъ повиноваться, и удалился. Мы послѣдовали за нимъ; вышли изъ погреба также, какъ и вошли въ него; начали спускаться у воротъ Самуеля Симона. Онъ самъ отворилъ ихъ, и немало удивился, увидя трехъ особъ такого какъ мы званія; удив-

леніе его еще удвоилось, когда Ламела сказалъ ему повелительнымъ голосомъ: „Самуель! именемъ Святой Инквизиціи, которой я имѣю честь быть Членомъ, приказываю тебѣ отдать мнѣ ключъ отъ твоей конторы. Я посмотрю, не найдется ли тамъ новыхъ доказательствъ къ подтвержденію сдѣланнаго на тебя доноса.“

Купецъ, приведенный сими словами въ замѣшательство, отступилъ шага два назадъ, какъ будто бы кто толкнулъ его въ брюхо. Онъ не только не подозрѣвалъ никакого съ нашей стороны обмана, но еще навѣрное по-

думалъ, что какой нибудь недоброжелатель очернилъ его предъ Святымъ Судомъ; а можетъ быть, чувствуя себя не самымъ твердымъ Каполикомъ, имѣлъ и причину опасаться посѣщенія Инквизиціи. Какъ бы то ни было, я не видывалъ человека въ бóльшемъ смущеніи. Онъ повиновался безъ сопротивленія повелѣнію грозной Инквизиціи; со страхомъ и трепетомъ отворилъ намъ свою контору.— „По крайней мѣрѣ, сказалъ Амброзій, входя туда, повинешься ты безъ прекословія; но, прибавилъ онъ, выйди въ другую комнату, и оставь меня на

свободѣ отпращивать мою
 должность “—Самуель не вос-
 прошивился и этому; онъ
 остался въ своей лавкѣ, а
 мы всѣ трое вошли въ кон-
 шору, гдѣ, не теряя време-
 ни, спали искать денегъ.
 Намъ не трудно было най-
 ти ихъ: онъ лежали въ от-
 крытомъ сундукѣ; ихъ было
 болѣе, нежели сколько мы
 могли унести: множество
 мѣшковъ, и все съ серебромъ.
 Намъ хотѣлось бы золота;
 но какъ онаго не оказалось,
 то надлежало сообразоваться
 съ нуждою. Мы наполни-
 ли карманы, и даже всѣ мѣ-
 ста въ плащѣ нашемъ, куда
 только можно было спря-

ташь деньги ; наконецъ на-
 грузились очень тяжело, од-
 накожь такъ , что это не
 было примѣшно : за сіе обя-
 заны мы искусству Амброзія
 и Дона Рафаеля , которые
 доказали мнѣ, что всякое дѣ-
 ло мастера боится.

Мы вышли изъ конторы
 съ хорошею поживкою ; и
 тогда, на случай (который
 легко можетъ угадать чи-
 татель) господинъ Инкви-
 зишоръ, вынувъ изъ карма-
 на замокъ , привѣсилъ его
 самъ къ дверямъ , и прило-
 живъ печать, сказалъ Симо-
 ну : „ Именемъ Святой Ин-
 кизиціи запрещаю тебѣ при-
 касаться къ этому замку, а

равно и къ печати, которую долженъ ты почиташь священной: это собственная печать Святаго Суда. Завтра я приду сюда въ сію же пору, сниму ее, а тебѣ объявлю рѣшеніе.“—Потомъ приказалъ онъ отворить двери, и мы, другъ за другомъ, вышли на улицу съ великою радостью. Отошедъ шаговъ пятьдесятъ, пустились съ такою скоростію и легкостію, что едва дотрогивались ногами до земли, не смотря на тяжелое наше бремя. Мы скоро выбрались за городъ; и, сѣвши опять на своихъ лошадей, поскакали въ Сегорбіи, благодаря Мер-

журія за столь счастливый
успѣхъ.

ГЛАВА II.

*Какое намѣреніе приня-
ли Донъ Альфонсѣ и Жил-
бласѣ послѣ сего приклю-
ченія.*

По достохвальному наше-
му обычаю ѣхали мы всю
ночь, и на разсвѣтѣ очуши-
лись близъ деревушки, мили
за двѣ отъ Сегорбіи. Такъ
какъ мы всѣ очень успали,
то охотно оставили боль-
шую дорогу, и поворошили
въ ивнякъ, который увидѣ-

ли при подошвѣ холма въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни, гдѣ не разсудили остановившись. Ивы соспавляли пріятную тѣнь; ручеекъ омывалъ ихъ корни. Это мѣсто намъ понравилось, и мы рѣшились провести тутъ день. И такъ слезли съ лошадей, пустили ихъ на траву, а сами тутъ же легли. Отдохнувъ немного, опорожнили свою суму и флягу; а послѣ сытнаго завтрака, пересчитали деньги, унесенныя у Самуеля Симона, которыхъ нашлось до трехъ тысячъ дукатоновъ *). Эта сумма

*) Дукатонъ, получервонецъ, монета бывшая изъ чистаго серебра.

съ прежними нашими деньгами составляла порядочный капиталъ.

Такъ какъ надобно было вновь запасшись съѣстными припасами, то Амброзій и Донъ Рафаель, скинувъ Инквизицiонское и писарское плащья, сказали намъ, что они оба берутъ на себя это попеченiе; что удачный походъ въ Ксельву возбудилъ въ нихъ охоту къ новымъ подвигамъ, и что они ѣдутъ въ Сегорбiю испытать еще своего счастья.— „Вы, прибавилъ сынъ Люцинды, подождите насъ подъ ивами; мы не замедлимъ къ вамъ возвратиться.“— Господинъ

Донъ Рафаель, сказалъ я
 смѣючись, скажите лучше,
 чѣмъ мы дожидались васъ
 подъ вязомъ *). Если вы насъ
 оставите, то, кажется, мы
 не скоро опять съ вами уви-
 димся.—, Ваше подозрѣніе для
 насъ обидно, отвѣчалъ Ам-
 брозій; впрочемъ мы его за-
 служиваемъ: недовѣрчивость
 ваша простибельна послѣ
 того, что мы сдѣлали въ
 Валладолидѣ; конечно, не лѣзя
 вамъ не подозрѣвать, что мы
 въ состояніи также несо-

*) Извѣстная Французская посло-
 вица: *Attendez-moi sous l'orme*. У
 Реньяра есть небольшая Комедія
 подъ симъ самымъ заглавіемъ.

вѣспно оставишь васъ, какъ
 оставили товарищей своихъ
 въ этомъ городѣ. Однакожь
 вы обманываетесь. Сообщни-
 ки, которыхъ покинули мы въ
 Валладолидѣ, были великіе не-
 годяи, и жить съ ними ста-
 новилось уже намъ несносно.
 Надобно отдать справедли-
 вость людямъ нашего про-
 мысла, что нѣтъ въ свѣтѣ
 такого общества, въ кото-
 ромъ бы корысть произво-
 дила менѣе раздоровъ; но ко-
 гда наши склонности не
 сойдутся, то согласіе, по
 обыкновенному порядку ве-
 щей, можетъ исчезнуть. И
 такъ, господинъ Жилблазъ,
 продолжалъ Ламела, прошу

васъ и Дона Альфонса имѣтъ къ намъ болѣе довѣренности, и не беспокоиться о томъ, что Дону Рафаелю и мнѣ такъ захопѣлось ѣхать въ Сегорбію.“—

— Успокойте ихъ очень легко — сказалъ сынъ Люцидинъ — пусть они оспаваютъ при себѣ всю нашу казну: вотъ имъ вѣрная порука, что мы ихъ не обманемъ. Видите, господинъ Жилблазъ, прибавилъ онъ, что мы не долго думаемъ. Вы оба будете имѣть закладъ; я могу васъ увѣрить, что мы поѣдемъ съ Амброзіемъ, не опасаясь, чтобъ вы присвоили себѣ общее наше сокровище. Послѣ

такого явнаго знака нашего
 чистосердечія, не ужьли вы
 намъ не повѣрите?—Вѣрю,
 господа, отвѣчалъ я: вы мо-
 жете теперь дѣлать все,
 что вамъ угодно.—Взявъ су-
 му и флягу, они немедленно
 отправились. Я остался подъ
 ивами съ Дономъ Альфонсомъ,
 кошорый, по отъѣздѣ ихъ,
 сказалъ мнѣ: „ Господинъ
 Жилблазъ, я долженъ от-
 крыть вамъ мое сердце: со-
 вѣсть мучитъ меня, что я
 слѣдовалъ доселѣ за этими
 мошенниками. Вчера вече-
 ромъ, когда я сперегъ лоша-
 дей, приходило мнѣ въ голо-
 ву множество печальныхъ раз-
 мышленій. Я думалъ, что

молодому челоѣку честныхъ
 правилъ неприлично жить
 съ такими порочными людь-
 ми, каковы Донъ Рафаель и
 Ламела; что, если по несчас-
 тію когда нибудь (а это
 очень легко случиться мо-
 жетъ) плутовство намъ не
 удался, и мы попадемъ въ
 руки правосудія, то я буду
 имѣть стыдъ подвергнуться
 вмѣстѣ съ ними безчестному
 наказанію. Это меня безпре-
 станно тревожитъ; и, при-
 знаюсь вамъ, что я намѣренъ
 навсегда ихъ оставить. Не
 думаю, чтобъ вы похулили
 мое намѣреніе.“—

—Напротивъ, оно очень по-
 хвально, ошвѣчалъ я; хотя

вы и видѣли, что я представ-
 лялъ Алгвазила въ комедіи,
 сыгранной съ Самуелемъ Си-
 мономъ, однакожь не вообра-
 жайте, чтобъ такіе поступки
 были по моему вкусу. Сви-
 дѣтельствуюсь Небомъ, что
 играя столь прекрасную ро-
 лю, говорилъ я самъ себѣ:
 Ну, господинъ Жилблазъ, еже-
 ли попадешься теперь въ ру-
 ки Полиціи, то получишь
 достойное возмездіе за твои
 подвиги. И такъ, Донъ Аль-
 фонсъ, во мнѣ столь же ма-
 ло охоты, какъ и въ васъ,
 оставаться въ этомъ обще-
 ствѣ; и, если угодно, я такъ
 же удалюсь съ вами. Когда
 наши молодцы возвращаются,

предложимъ имъ раздѣлишь наши деньги ; и завтра съ разсвѣтомъ, или еще сегоднѣшнюю же ночь, простимся съ ними. —

„ Я согласенъ съ вами — сказалъ любовникъ прекрасной Серафины: — проберемся въ Валенцію, а отсюда отправимся моремъ въ Италію, гдѣ можемъ вступить въ службу Венеціанской Республики. Не лучше ли принявшись за ремесло военное, нежели вести жизнь подлую и законопреступную? Съ нашими деньгами мы въ состояніи будемъ содержать себя прилично. Конечно, прибавилъ онъ, не безъ угрызенія

совѣсти хочу воспользоваться добромъ, столь худо пріобрѣшеннымъ; но, сверхъ того, что меня принуждаетъ къ этому необходимость, обещаюсь вознаградить Самуеля Симона, коль скоро послужить мнѣ счастье на войнѣ.“— Я увѣрялъ Дона Альфонса, что былъ однихъ съ нимъ мыслей; и мы положили, на другой день до свѣта оставить своихъ товарищей. Мы никакъ не хотѣли воспользоваться ихъ отсутствіемъ, но естъ, скрыться потчасъ со всею казною; довѣренность, которую они къ намъ оказали, оставляя въ рукахъ нашихъ деньги,

не позволяла о томъ и по-
думать.

Амброзій и Донъ Рафаель
подъ вечеръ возвратились изъ
Сегорбіи. Прежде всего они
увѣдомили насъ, что путеше-
ствіе ихъ было весьма
удачно; что они положили
основаніе такому плутов-
ству, которое, по всѣмъ
примѣшамъ, будетъ для насъ
еще прибыльнѣе вчерашняго.
Тутъ сынъ Люцинды хотѣлъ
было вступить въ обстоя-
тельное объясненіе; но Донъ
Альфонсъ сказалъ имъ, что
намѣренъ съ ними разсказать-
ся. Я съ своей стороны объ-
явилъ тоже. Они напрасно
старались уговорить насъ

быть участниками въ ихъ
предпріятіи. На другой день
по утру, раздѣливъ наши
деньги поровну, мы проспи-
лись съ ними, и направили
путь свой къ Валенціи.

ГЛАВА III.

*Послѣ какого непріятна-
го приключенія Донъ Аль-
фонсѣ былъ крайне обра-
дованъ; и по какому слу-
гаю Жилблазъ вдругъ у-
видѣлъ себя въ счастли-
вомъ состояніи.*

Мы весело проѣхали до
Бунола, гдѣ, по несчастію,

должны были остано^виш^ься. Донъ Альфонсъ сдѣлался бо^ле^нтъ: сильная горячка такъ изнурила его, что я опчая^вался въ его жизни. Но къ счастію тамъ не было Док^торовъ, и я опдѣлался од^нимъ страхомъ. Дни черезъ три опасностъ миновала, и мои старанія возвратили ему здоровье. Онъ ошъ всего сердца благодарилъ за мои объ немъ попеченія; а какъ мы дѣйствительно полюбили другъ друга, то и поклялись бышъ вѣчно друзьями.

Мы пустились опяшъ въ дорогу, все въ томъ же на^мѣреніи, чтобы, по прибы^тіи въ Валенцію, при пер-

вомъ случаѣ отправишься
въ Италію. Но судьба рас-
положила иначе. У воротъ
одного красиваго замка уви-
дѣли мы крестьянъ и крестья-
нокъ, которые веселились и
плясали въ хороводахъ. Мы
подѣхали посмотрѣть на
ихъ забавы, и Донъ Альфонсъ
пришелъ въ величайшее изу-
мленіе. Глазамъ его предста-
вился Баронъ Штейнбахъ,
который также узнавъ его,
подошелъ къ нему съ отверз-
тыми объятіями, и сказалъ
съ восторгомъ: „Ахъ, Донъ
Альфонсъ, это ты? Какая
счастливая встрѣча! Въ то
самое время, какъ вездѣ те-
бя напрасно ищутъ, совсемъ

неожиданно мы здѣсь съ по-
бою увидѣлись!“

Спутникъ мой соскочилъ съ лошади, и бросился обнимать Барона, который былъ въ себя отъ радости.— „Пойдемъ, сказалъ добрый старикъ: ты узнаешь о своемъ происхожденіи и будешь счастливъ.“—При сихъ словахъ онъ ввелъ его въ замокъ; я вошелъ также съ ними: ибо между тѣмъ, какъ они обнимались, я былъ уже на ногахъ, и привязалъ лошадей къ дереву. Прежде всѣхъ вступилъ съ нами владѣлецъ замка; онъ былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, самаго благороднаго вида.— „Вотъ

сынъ вашъ!“—сказалъ Баронъ Шпейнбахъ, представляя ему Дона Альфонса.—Донъ Цезарь де Лейва (такъ назывался владѣлецъ замка) обнялъ Альфонса, прижалъ его крѣпко къ груди своей, и съ радостными слезами сказалъ ему: „Любезный сынъ, узнай виновника дней твоихъ! Оставляя меня столь долго въ невѣденіи о твоёмъ состояніи, я дѣлалъ себѣ жесточайшее насиліе; тысячу разъ сердце мое раздиралось отъ горести; но я не могъ поступить иначе. Я женился по любви на твоей матери, которая была не изъ знатной фамиліи, и находившись подѣ

властію строгаго отца, по необходимости скрывалъ отъ него этотъ бракъ. Одинъ только Баронъ Шшейнбахъ былъ участникомъ моей тайны, и по просьбѣ моей воспитывалъ тебя. Теперь отца моего нѣтъ уже на свѣтѣ, и я могу объявить тебя единственнымъ моимъ наследникомъ. Это еще не все: я хочу женить тебя на молодой дамѣ, которой знатный родъ равняется моему.“— Бапюшка!—прервалъ Донъ Альфонсъ—не засшавъте слишкомъ дорого заплашить за то счастье, о которомъ мнѣ объявляете. Узнавъ, что имѣю честь быть сыномъ вашимъ,

не ужели долженъ я въ то же время услышать, что вы хошите сдѣлать меня несчастнымъ? Ахъ! не будыте строже вашего родителя! Если онъ не одобрилъ любви вашей, то по крайней мѣрѣ не принуждалъ васъ жениться на другой.— „Сынъ мой, оповѣчалъ Донъ Цезарь, не противлюсь твоемъ желаніямъ; но, въ угодность мнѣ, посмотри только избранную мною для тебя невѣсту; я больше ничего не требую, и не стану принуждать тебя. Она здѣсь въ замкѣ, и вѣрно тебѣ понравится. Пойдемъ со мною.“—Говоря такимъ образомъ, ввелъ онъ Дона Аль-

фонса въ другую комнату,
куда и я съ Барономъ Шпейн-
бахомъ за ними послѣдовалъ.

Тамъ нашли мы Графа
Полана съ обѣими дочерьми
его, Серафиною и Юліею, и
Дона Фернанда де Лейву,
зятя его, который былъ
племянникъ Дону Цезарю.
Тутъ были еще и другіе да-
мы и кавалеры. Донъ Фер-
нандъ, какъ уже сказано вы-
ше, увезъ Юлію. По случаю
свадьбы сихъ любовниковъ
собрались въ тотъ день о-
крестные поселяне для празд-
нества. Лишь только Донъ
Альфонсъ вошелъ, и отецъ
представилъ его собранію,
какъ Графъ Поланъ бросился

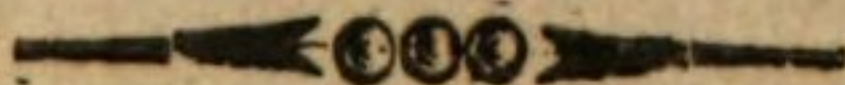
обнимають его, говоря: „добро пожаловать, избавишесь мой! Узнайте власть, какую имѣешь добродѣтель надъ душами благородными. Вы закололи моего сына, но вы же спасли жизнь мою. Я оставляю гнѣвъ и мщеніе; отдаю вамъ ту самую Серафину, которая обязана вамъ спасеніемъ своей чести: эшимъ плачу вамъ долгъ мой.“— Сынъ Дона Цезаря изъяснилъ Графу Полану, сколь живо чувствуетъ онъ его милости. Я не знаю, чѣмъ былъ онъ обрадованъ болѣе, открытіемъ ли своего происхожденія, или неожиданнымъ позволеніемъ женишься

на Серафинъ. Спустя нѣсколь-
ко дней счастливые любов-
ники были обвинчаны.

Такъ какъ и я былъ въ
числѣ избавишелей Графа
Полана, то онъ, узнавъ ме-
ня, сказалъ, что принимаетъ
на себя попеченіе о моемъ
счастіи. Но я благодарилъ
за его великодушіе, и ни-
какъ не хотѣлъ распаться
съ Дономъ Альфонсомъ, ко-
торый сдѣлалъ меня своимъ
домоправишелемъ, и удосто-
илъ своею довѣренности.
Лишь только женился онъ,
какъ, имѣя на совѣсти без-
чесный поступокъ съ Са-
муелемъ Симономъ, поручилъ
мнѣ отвезти къ этому куп-

цу всѣ украденныя у него деньги. И такъ я началъ управительское званіе тѣмъ, чѣмъ надлежало бы кончить, то есть, возвращеніемъ похищеннаго.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

BY THE VICE-CHANCELLOR
OF THE UNIVERSITY OF
CAMBRIDGE
IN THE YEAR 1841
THE FOLLOWING
MEMBERS OF THE
UNIVERSITY

WILLIAM LUTHERTON

—

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

КНИГА ПЯТАЯ.

	Стр.
ГЛ. I. Исторія Дона Рафаеля - I,	
— II. С чѣмъ совѣшались между собою Донъ Рафаель и его слушатели; что случилось съ ними при выходѣ изъ лѣсу. - - - -	232.

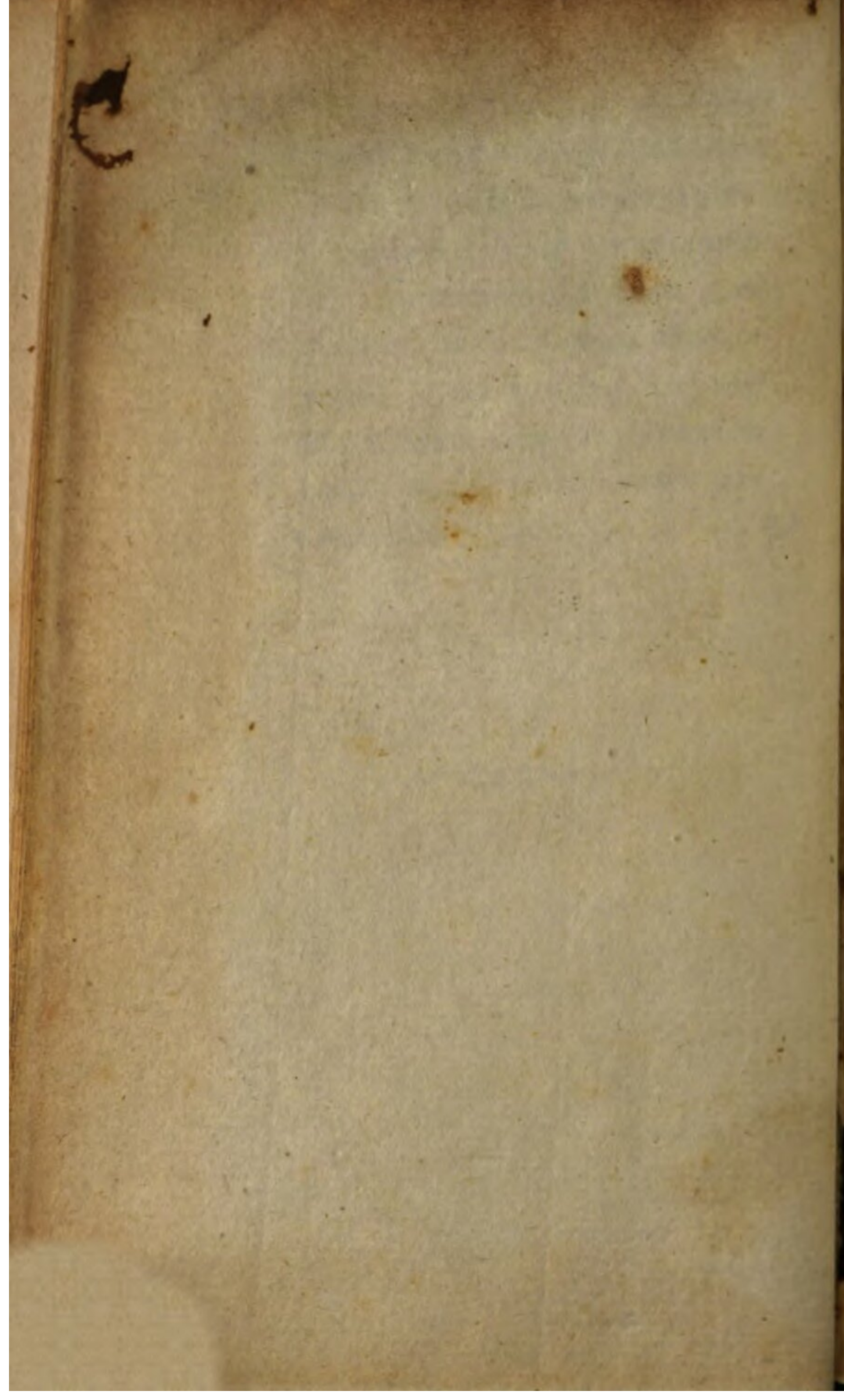
КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛ. I. Что сдѣлали Жилблазъ и его шоварищи, разсѣвшись съ Графомъ Пола-номъ; важное предпріятіе, предложенное Амброзіемъ, и какимъ образомъ приведено оно въ исполненіе. -	246.
--	------

ГЛ. II. Какое намѣреніе принялъ
Донъ Альфонсъ и Жилблазъ
послѣ сего приключенія. 279.

— III. Послѣ какого непріятна-
го приключенія Донъ Аль-
фонсъ былъ крайне обрадо-
ванъ; и по какому случаю
Жилблазъ вдругъ увидѣлъ
себя въ счастливомъ со-
стояніи. — — — — — 291.

Le Sage, Alain René,

Gil Blas de Santillana

Bd.: 4

St. Petersburg (1820)

P.o.gall. 1257 n-3/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10093801-3